

К 100-летию сектора театра Зубовского института

Золотницкий
историк
теоретик
критик

И
Ч
К
К
Ж
И
К
С
Д
Ч
Е
С
К
И
Е
К
Н
И
Ж
Е
Ч
К
И
Т
Е
А
Т
Р
О
В
Е
Д
Ч
Е
С
К
И
И

К 100-летию сектора театра Зубовского института

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

К столетию сектора театра Зубовского института

Театроведческие книжечки

Золотницкий – историк, теоретик, критик

Воспоминания коллег. Письма. Архивные документы.

Д. И. Золотницкий. Рассказы военных лет. Стихи

Санкт-Петербург
2020

ББК 85.33(2)
УДК 792.07(471.23.2)

Редактор-составитель Д. Д. Кумукова

Золотницкий – историк, теоретик, критик: Воспоминания коллег. Письма. Архивные документы. Рассказы военных лет. Стихи / Ред.-сост. Д. Д. Кумукова. – СПб.: Российский институт истории искусств, 2020. 116 с.

В сборнике, посвященном доктору искусствоведения, профессору, историку театра, литературному и театральному критику Давиду Иосифовичу Золотницкому (1918-2005), встает образ исследователя, учителя, друга, человека. В честь столетия со дня рождения ученого сектор театра Зубовского института провел творческую конференцию под названием «Век Золотницкого». Тексты выступлений, писем, а также исторических документов приводятся в первой части настоящего издания. Вторая – отдана слову самого Давида Иосифовича. Здесь впервые осуществляется публикация очерков и стихотворений, написанных Золотницким во время его службы красноармейцем на фронтах Великой Отечественной войны.

Выражаем сердечную благодарность Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке и лично Татьяне Аркадьевне Синельниковой за профессиональное сопровождение в работе с архивом и предоставленные документы.

Художник Э. Б. Дербичев

Верстка: И. А. Громова
Корректор С. П. Минин

Подписано в печать 10.12.2020
Формат 60x90/16. Бумага Svetocopy
Гарнитура Book Old Style
Объем 7,25 усл.-печ. л. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-86845-259-8 © РИИИ, 2020
© Д. Д. Кумукова, составление

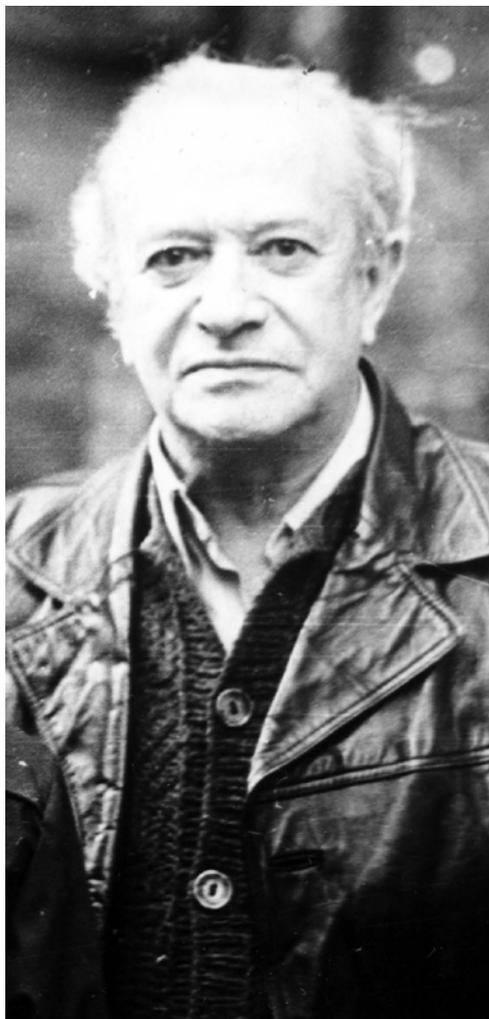
СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О Д. И. ЗОЛОТНИЦКОМ

<i>Кумукова Д. Д.</i> Предисловие	5
<i>Миронова В. М.</i> Jeun-premier нашего театроведения	12
<i>Песочинский Н. В.</i> «Посмотри у Золотницкого!»	13
<i>Дмитриевский В. Н.</i> О Давиде Иосифовиче Золотницком	17
<i>Чистякова В. В.</i> И в шутку и всерьез	23
<i>Соколов-Каминский А. А.</i> Давид Иосифович Золотницкий: Смысл. Стыль. Совершенство	27
<i>Овэс Л. С.</i> Урок Золотницкого	35
<i>Лопатин А. А.</i> Д. И. Золотницкий – сто лет достоинства	37
<i>Розанова О. И.</i> Русский интеллигент Давид Золотницкий	41
<i>Кириллов А. А.</i> В день 85-летия Давида Иосифовича	45
<i>Голомбевский В. А.</i> Лучезарный Золотницкий	47
<i>Шимбаревич И. Н.</i> Товстоногов цитировал Золотницкого	49
<i>Забозлаева Т. Б.</i> История театра – это кратчайшее расстояние между цитатами	53
<i>Скорочкина О. Е.</i> «Вычеркнутое не будет освистано»	54
<i>Копытова Г. В.</i> Архивные материалы Д. И. Золотницкого в Кабинете рукописей РИИИ	57
<i>Синельникова Т. А.</i> Материалы Д. И. Золотницкого в архивном собрании Санкт-Петербургской Театральной библиотеки	63
<i>Федяхина Е. Г.</i> Историко-театральная картотека Д. И. Золотницкого	67

Д. И. ЗОЛОТНИЦКИЙ – ФРОНТОВОЙ ПИСАТЕЛЬ

Бывалая юность. Рассказы о юных защитниках Ленинграда	75
Стихи	115

СЛОВО О Д. И. ЗОЛОТНИЦКОМ

*Д. Д. Кумукова, кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник сектора театра РИИИ*

Предисловие

2018-й – год столетия Давида Иосифовича Золотницкого, доктора искусствоведения, профессора, историка и критика театра, многолетнего научного сотрудника Российского института истории искусств.

В честь столь грандиозного юбилея сектор театра Зубовского института (неофициальное название РИИИ) 28 ноября 2018 года в Карельской гостиной петербургского отделения Союза театральных деятелей провел творческую конференцию. В ней приняли участие коллеги, друзья и ученики Давида Иосифовича.

На конференции прозвучали размышления о научных интересах Золотницкого, его монографиях и многочисленных статьях; о театральных пристрастиях и критических рецензиях на спектакли драматического, музыкального, балетного театра. Ну и конечно всюду лился поток искренних, трогательных, остроумных, «человеческих» воспоминаний – со смехом и слезами, с радостью и грустью.

Шуток, анекдотов, смешных историй, связанных с Давидом Иосифовичем, в этот день было вспомнано немало. Ведь юмор и, казалось, постоянный настрой на остроумный розыгрыш, всегда возникавший импровизационно, – были его стихией. Неслучайно разного рода пародии, шуточные стихи, и песни, сочиненные и самим Давидом Иосифовичем, и посвященные ему коллегами, приводили в своих выступлениях участники конференции: Валерия Владимировна Чистякова, Виталий Николаевич Дмитриевский, Галина Викторовна Копытова, Андрей Александрович Кириллов. Этот стиль Золотницкого определил атмосферу Карельской гостиной, где серьезная конференция ока-

залась похожей на дружескую встречу близких по духу людей.

Действительно, все участники, так или иначе, были друзьями Давида Иосифовича – и те, кто присутствовал и выступал с докладом, и те, кто, не имея возможности приехать в Петербург, прислал письма со своим словом о друге и учителе (Виталий Николаевич Дмитриевский – из Москвы и Ольга Евгеньевна Скорочкина – из Дании).

Давид Иосифович был абсолютным представителем ленинградской театроведческой школы. Он объединял в себе талант историка и талант критика – театрального и литературного. Сочетание исследования истории театра и критического анализа современного художественного процесса А. А. Гвоздев утверждал, как один из принципов науки о театре. Согласно убеждениям театроведов гвоздевского поколения, историк должен быть критиком, а критик – историком.

Золотницкий стал тем самым историком/критиком театра в одном лице. Это при том, что Давид Иосифович пришел в театроведение из филологии. Он окончил Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена – в тот год, когда началась война, ушел на фронт, но после войны поступил в аспирантуру и в 1956 году защитил литературоведческую кандидатскую диссертацию по драматургии М. Е. Салтыкова-Щедрина.

С приходом в Зубовский институт круг научных интересов Золотницкого значительно расширяется. Он занимается и русским, советским театральным искусством начала XX века (в частности, «зорями», «буднями», «праздниками» и «закатом» Театрального Октября); и современным процессом драматического, балетного, эстрадного театра; и драматургией, причем очень разной – М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. А. Булгакова, Н. С. Гумилева, Н. Ф. Погодина. К слову сказать, статья Золотницкого «Театр поэта» 1990 года стала первым театроведческим исследованием драматургии Гумилева. До общественнозначимого переломного рубежа 1980–1990-х годов о Гумилеве-драматурге говорить было не принято, да и творчество поэта в целом

только-только становилось объектом внимания исследователей.

Список трудов Давида Иосифовича составляет целую книжку-буклет, изданную Российским институтом истории искусств при жизни ученого (Библиографический указатель трудов Д. И. Золотницкого. СПб., 2000). В нее не вошли ссылки на монографии «Закат Театрального Октября» и «Фарс... и что там еще? Театр фарса в России. 1893–1917» – обе были опубликованы в 2006 году.

В Библиографическом указателе нет и сведений о рассказах, написанных Золотницким на фронте, в годы Великой Отечественной войны, где он сначала служил рядовым солдатом, затем литературным сотрудником фронтовой газеты. Вероятно, в этой газете некоторые из его коротких очерков были напечатаны, но судя по тому, что Давид Иосифович собрал, сброшюровал и дал единое название всему циклу («Бывалая юность. Рассказы о юных защитниках Ленинграда»), он хотел видеть опубликованными свои миниатюры как единый сборник. Волею судеб час этой публикации настал теперь, в год празднования 75-летия победы в Великой Отечественной войне.

Рассказы, как и весь архив Золотницкого, хранятся в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке, любезно предоставившей их для печати. Таким образом, у нашего читателя появляется возможность впервые познакомиться с Золотницким–фронтовым писателем.

Судьба Давида Иосифовича была связана с Zubовским институтом на протяжении почти полувека, начиная с 1957 года и заканчивая 2005-м, когда он так внезапно ушел в середине весны, 13 апреля. За несколько дней до смерти Золотницкий обсуждал свой план-проспект монографии о Г. А. Товстоногове, которую он предполагал написать за три года.

Так Давид Иосифович Золотницкий и ушел от нас, полный новых идей и планов.

На Творческой конференции «Век Золотницкого».
Карельская гостиная СТД. 28 ноября 2018 г.
Фотограф Юлия Кудряшова

*В. М. Миронова, кандидат искусствоведения,
заведующая сектором театра РИИИ*

Jeun-premier нашего театроведения

Осенью 1998 года сектор театра РИИИ отмечал 80-летие своего ведущего научного сотрудника Д. И. Золотницкого. Было сказано немало хороших слов о его книгах, монографиях, о статьях в научных сборниках и на страницах периодической печати. Восхищались его работоспособностью, чувством юмора, отзывчивостью и ненавязчивым умением помочь молодому сотруднику. Д. И. выслушал все наши панегирики и ответил кратко, немного посмеиваясь: «М е н я н е л ь з я н е л ю б и т ь !»

Д. И. иронизировал (чувство самоиронии всегда было при нем), но действительно его любили, уважали, ценили и не только в пределах сектора и института, где он работал с 1957 года. Д. И. был заметной фигурой в театральном и научном Петербурге: «Атлант из Зубовского института» – так называлась одна из статей, посвященных 80-летию юбилею ученого.

Однажды Д. И. Золотницкий так написал о себе: «Круг интересов – драматургия и театр. А там, что повеселее: комедия, сатира, фарс». Можно добавить к этому «кругу интересов» и балет (к балету его пристрастила жена, В. М. Красовская). И его деятельность театрального критика, чьи рецензии и статьи регулярно появлялись на страницах газет и журналов Санкт-Петербурга и Москвы.

У Д. И. предметами особой любви и постоянного научного интереса были комедийный театр и Г. А. Товстоногов, главный режиссер БДТ в 1956–1989 годы, который сделал этот театр «первой сценой страны». Незадолго до смерти Д. И. (2005) Ученый совет института утвердил план-проспект его монографии о творчестве Г. А. Товстоногова. А в 2006 году вышла его книга «Фарс... и что там еще?», первый в истории отечественного театроведения труд, посвященный театру дореволюционного фарса. Эта монография как бы

вписала еще одну страницу в богатую творческую биографию *jeun-premier* нашего театроведения.

*Н. В. Песочинский, кандидат искусствоведения,
профессор кафедры русского театра РГИСИ;
старший научный сотрудник
сектора театра РИИИ в 1987–2006 гг.*

«Посмотри у Золотницкого!»

Творчество Д. И. Золотницкого достойно академического исследования. Сейчас я могу сказать об этом хотя бы несколько слов. Давид Иосифович, действительно, внес вклад в науку. Этот вклад особенный. Его книги – про самый сложный исторический процесс. Цикл исследований «Зори Театрального октября», «Будни и праздники Театрального октября», «Академические театры на пути Театрального октября», «Закат Театрального октября» – целая серия книг про путь русского театра от 1917 года до 1932-го. Это сага с очень разными внутренними линиями, она процессуальная, она описывает многие процессы на разных уровнях, и автор проявлял внимание к этому разнообразию. Скажем, у Г. В. Титовой был другой подход к этой эпохе, она выделяет очень явно Мейерхольтца как гения. А весь остальной процесс был не равен гению. И такая позиция тоже возможна. Позиция Давида Иосифовича продуктивна в том смысле, что он не выделял «высших» точек из контекста, он описал самый сложный образом весь процесс со многими его уровнями, причем он продолжал и продолжал эту тему, расширял ее и вводил туда новые линии и очень многих персонажей. Нигде, кроме этой серии книг, про огромное количество спектаклей и людей, которые там отражены, до сих пор нигде больше информации не найти, хотя прошло 30 лет после того, как эти книги вышли. Богатейшая подробная последовательная процессуальность – это важнейшее его исследовательское качество.

Еще одно исследовательское качество его книг очень важно, и это тоже особый вклад в театроведение, – это совершенно потрясающее источниковедение. Легендой стала библиографическая и фактологическая картотека Золотницкого. На ее основе он создавал книги, и все мы, когда что-то надо было проверить, даже та же самая Титова, говорили: «Посмотри у Золотницкого!». Если надо было узнать какую-нибудь дату, правописание фамилии, имя-отчество, номер страницы, то: «Посмотри у Золотницкого!». Это было окончательно авторитетно. «Посмотри у Золотницкого» – это означало: проверь и поверь, потому что у Золотницкого будет все точно. И я думаю, что почти никаких ошибок в этом отношении, если бы могли обнаружить, мы не обнаруживали (во всяком случае, на порядки меньше, чем у любого исследователя). Его указатели, которые были всегда и везде, и факты, и ссылки, и сноски, научный аппарат, который был в его книгах, – это всегда было безупречно. В этом отношении он был перфекционистом, он это явно любил, у него это было на чувственном уровне: правильная сноска, правильная точка, правильное библиографическое описание, т. е. это было не школой, это было страстью. Такой страстью, которая стала научным результатом. Доходило до крайности. Давид Иосифович был руководителем моей диссертации, а А. В. Февральский – оппонентом, и я помню, что Февральский мне с искренними обидой и возмущением говорил: «Зачем он в книгах пишет, что я “Февральский в скобках Якоби”?». Золотницкий докопался до его паспортной фамилии, и во всех указателях писал это Якоби, хотя, наверное, и сам Февральский забыл, что он был когда-то Якоби. Я могу понять чувства Февральского, – человеку, пережившему эпоху борьбы с космополитизмом, не очень хочется быть Александром Вильямовичем Якоби, хотя, впрочем, это ничуть не опаснее, чем быть Давидом Иосифовичем Золотницким. Но для Золотницкого тут научная точность брала верх.

Вообще, Давид Иосифович был очень дипломатичным человеком, это мы все знаем. Он понимал про-

цесс, его сложности и грани, за которые переходить нельзя. С 1957 года он некоторое время вел заседания сектора театра осторожно, разумно, и практически ничего страшного с ним не происходило. И потом эта осторожность и дипломатичность имела этические профессиональные качества. Когда я писал диссертацию о Мейерхольде, и были авторы, которые занимались близкой темой, у него был принципиальный совет: «Нужно один раз упомянуть». Даже тогда, когда я не согласен с мыслями в статье или публикации, но «нужно один раз и этого упомянуть».

Дипломатичность Золотницкого, может быть, помогала ему держать собственную позицию. Вот, вышла важная серия исследований сектора театра «Теория и практика русской советской режиссуры». Это сборники 1917–1921, 1921–1925, 1925–1932 из истории русской режиссуры 30-х гг. Каждый сборник открывается статьей М. Н. Любомудрова, в которой, в частности, написано, что Мейерхольд не ту традицию русской культуры продолжает, не тот реализм, не то, и не то, и не то. Дальше перелистываем несколько страниц, и идет статья Золотницкого, где про Мейерхольда написано совсем другое, что он продолжал то, что нужно продолжать, и подробно и многосторонне и изучается его творчество – профессионально. Для современного леворадикального журнала это было бы нормально – две совершенно противоположные статьи. Но я думаю, со мной согласятся коллеги, в советское время это было очень большим исключением, при том, что Любомудров был заведующим сектором, при том, что у него были вступительные статьи, он был в редколлегии этих сборников, и поэтому, видимо, там тоже надо было проявить какую-то принципиальность, чтобы сборники выходили и выражали точку зрения не только редколлегии и автора вступительных статей. Я не знаю, что было тогда за кулисами, это было раньше, чем я пришел, но теперь это вошло в историю науки о театре навсегда.

Это то, что я захватил уже с 1980-х гг. научную, такую фундаментальную работу Давида Иосифовича

Золотницкого, при этом понятно, что мы на секторе были очень ленивыми, мы никогда не сдавали работы в срок, все мы всегда опаздывали. В качестве легенды Валентина Михайловна Миронова любит рассказывать про Веру Викторовну Иванову, которая каждый раз, когда опаздывала представлять свой текст, она рассказывала про здоровье своей машинистки, что она заболела тем-то и тем-то (в подробностях), и не смогла перепечатать текст. Вот потом, когда надо было в последний раз при переносе научного плана составлять перенесенный-перенесенный научный план, она пришла с патетическим скорбным видом в черном и сказала про машинистку: «Она скончалась». Давид Иосифович же был человек, который всё выполнял и перевыполнял. Он тихо сидел и вдруг за две недели до того, как надо было эти страшные планы (которые координировала Валентина Михайловна Миронова, а потом Андрей Кириллов, а потом Света Сбоева) сдавать, он приносил полный готовый «чистый» текст. Я думаю, что он в этом отношении абсолютно уникален в нашей творческой профессии, но понимаете, это качество, это тоже научное качество. Он предлагал все новые и новые темы, и решил после этой истории «Театрального Октября» и левого русского театра заняться театром Комедии, т. е. он придумал фундаментальную тему, которой несколько лет занимался. Это вклад в науку.

И другой немаловажный вклад в театроведение – его рецензии, потому что он по-настоящему был продолжателем принципов гвоздевской школы, т. е. он был, как выражался Ю. М. Барбой, «двуруким», не «одноруким», он не занимался только историей или только современным театром. Он занимался и тем, и другим всю жизнь. Хотя мне Г. В. Титова в свое время сказала, что, когда стало невозможно заниматься театральной критикой честно, некоторые ушли в историю, «вот, например, Золотницкий», сказала она мне. Но ведь он не совсем ушел в историю, он продолжал писать рецензии иногда и в 1980 и в 1990-е годы. Но его рецензии 1960–70-х гг. они просто образцовые в каком-то смысле по формату. Я помню, что его рецензия в жур-

нале «Театр» на «Поднятую целину» Товстоногова – просто образцовая рецензия. Так учат писать журнальную рецензию: с контекстами, с проблематикой, с подробностями. (В наше время уже никто так не напишет, увы, потому что сейчас рецензию в 25 страниц никто не опубликует нигде и никогда.) Действительно, его рецензии – вклад в исследование современного театра с позиций театроведения, не с позиций журналиста.

Давид Иосифович был чудесный человек с чувством юмора, живой, и каждый может вспомнить его гостеприимно улыбающимся, вспомнить рюмку водочки, которая предлагалась перед деловым разговором. Даже если я как аспирант привозил текст в Комарово, он сам встречал меня, шутили с ним и с Верой Михайловной... Юмор его был замечательный, умный. Он умел быть афористичным.

Это человек, который создавал и сохранял науку о театре.

Большая ему благодарность за это.

*В. Н. Дмитриевский, доктор искусствоведения,
главный научный сотрудник
сектора социологии искусства ГИИ,
старший научный сотрудник
сектора театра РИИИ в 1957–1978 гг.*

О Давиде Иосифовиче Золотницком

Осенью 1957 года, окончив театроведческий факультет ЛГИТМиКа, я пришел служить в «Зубовский» Институт театра и музыки в качестве старшего и единственного лаборанта научной части. Как потенциальный аспирант, я был допущен на заседания сектора театра, которые вел тогда Давид Иосифович Золотницкий.

В небольшой комнатке с окнами во двор на втором этаже особняка на Исаакиевской площади, заставленной оставшейся от графской гостиной стильной мебелью карельской березы и фанерными древтрестов-

скими канцелярскими столами, заседали пережившие войну и блокаду славные представители «ленинградской театроведческой школы» – Сергей Сергеевич Данилов, Моисей Осипович Янковский и их молодые и уже оправдавшие надежды опытные соратники.

Мне отвели место в дальнем углу, где обосновались штатные сотрудники Анатолий Яковлевич Альтшуллер, Сергей Васильевич Владимиров и нештатные «гости сектора» – Яков Семенович Билинкис, Евгений Соломонович Калмановский. Что говорить – я попал в хорошую компанию! Старшие товарищи, оглядевшие меня с лукавым любопытством, любезно уплотнились, и я провалился в просиженную предшественниками яму старого скрипучего дивана.

Повезло! Диван оказался чем-то вроде школьной камчатки, где можно было незаметно переброситься ироничным замечанием, многозначительно перемигнуться, выразительной мимикой проиллюстрировать идиоматическое выражение докладчика. Приглушенный смех вызывал справедливое раздражение и одновременно острое любопытство окружающих коллег. Ненадолго присмиривших обитателей дивана вскоре вновь распирала посторонние сюжеты, реплики и неуместные эмоции. Д. И. Золотницкий возвышал голос, призывал к порядку, изображал негодование, делал «страшное лицо».

Впрочем, Давид Иосифович явно тяготился функциями начальника и радостно ушел в отставку, когда представилась возможность передать бразды правления Сергею Васильевичу Владимирову. Он самоотверженно принял на себя миссию заслонить сектор от реально нависшей угрозы прихода к руководству нашим сообществом карьерным варягом-номенклатурщиком. Когда опасность миновала, Золотницкий сел за рояль и победно спел под собственный аккомпанемент «Мою Марусечку» – он любил песни Петра Лещенко и в минуты вдохновения радовал нас вокально-фортепианными импровизациями по мотивам «кумиров белой эмигрантщины» – Лещенко, Морфесси, Вертинского...

Давид Иосифович называл себя то кустарем-одиночкой, то токарем-многостаночником. И то, и другое суждение имело под собой основание. Где бы Давид Иосифович не находился, он не расставался с пачкой библиографических карточек, «находящихся в стадии заполнения». За этим, казалось бы, скучным занятием его можно было встретить в читальном зале Института, в Театральной библиотеке, на собрании в ВТО, в Газетном зале Публичной библиотеки на Фонтанке и даже в отпускную пору в Доме Творчества писателей в Комарово. При этом он успевал создавать многостраничные академические труды, монографии, проблемные статьи, откликаться на бурную театральную жизнь рецензиями, эссеистскими заметками, острыми фельетонами. С присущей ему внешней замкнутой респектабельностью Давид Иосифович внимательнейшим образом рассматривал предложенные ему для обсуждения на секторе тексты, но озорное ерничество проскальзывало в невозмутимой интонации, в каламбуре, в остроумной реплике. Таково было природное свойство его талантливой природы, и потому он с особым удовольствием писал о комедии и сатире, о фарсе и водевиле – это были его любимые театральные жанры.

В день шестидесятилетия коллеги спели Золотницкому частушечные куплеты:

Мимо тещино дома он без шуток не пройдет,

Потому в благоговеньи расступается народ.

Одному – привет и билет в балет,

А другому – игра: – в левый бок игла!

Не шути с огнем – сам погибнешь в нем!

От «Звезды» и до окраин наших северных болот

Он прошелся как хозяин и совсем наоборот.

Именит Давид, плодовит Давид, знаменит Давид,

ядовит Давид!

И могуч Давид, и живуч Давид, закален Давид,

как бетон, Давид!

Здесь нужны некоторые комментарии: «Тещин дом» – все тот же Зубовский особняк: во дворе жила

го» – в «Щель» ресторана «Астория» – так в просторечии назывался тесный буфет, где можно было не раздеваясь глотнуть рюмку коньяку и закусить бутербродом или засохшей конфетой «Буревестник» – пламенный привет от основателя литературы соцреализма!

Конечно, укреплению духовной сплоченности и профессионального единомыслия разных театроведческих поколений способствовал не только общедоступный ассортимент буфетного прилавка. В один дождливый день газета «Советская Россия» неожиданно опубликовала материал «С рецензентами спорит зритель», сопроводив его удручающим подзаголовком: «Бюро Ленинградского обкома КПСС – о состоянии театральной критики». Случилось нечто житейски малоприятное: членов бюро раздражили многие «мастера пера» – и Д. Золотницкий, пренебрежительно отозвавшийся о спектаклях, поставленных в псевдореалистической манере, и В. Красовская и В. Чистякова, не сдержанные в своих комплиментах балетным экспериментаторам, а также А. Альтшуллер и В. Дмитриевский, недооценившие безусловную идейную значимость спектаклей Александринского театра на современную тему. Среди причин, порождающих неверные оценки театральных работ, бюро обкома особо выделило главную – «недостаточно основательную марксистско-ленинскую подготовку определенной части театроведов и искусствоведов». – Ну, где уж нам... – преувеличенно-грустно заметил Золотницкий – и пробурчал строфу из популярной тогда песни «Если радость на всех одна, то и беда одна». В «Щели» все осознали сложившуюся ситуацию как непреодолимую и отважно подняли настроение рюмкой армянского «Арарата» с традиционным «Буревестником».

...За прошедшие шесть десятилетий, с той поры, когда Давид Иосифович принял меня в свой круг доброго общения, житейского и профессионального, он живет в моем сознании и как строгий наставник, и как надежный покровитель в повседневной жизни, чутко ограждавший меня от нелепых помыслов и поступков безусловным влиянием своего личного авторите-

та, присущей ему брезгливостью к этическому компромиссу, наконец, откровенным и дружеским участием в пору невнятных для меня поворотов судьбы. Этой столь ценной для меня духовной близости не помешала и возникшая в конце семидесятых «топографическая удаленность» (перебравшись в 1978 году в Москву, мы виделись гораздо реже, чем хотелось). Письма Давида Иосифовича полны доброй иронии, тактичной тревогой о поведении «младшего партнера», они несли живой импульс единомыслия, радость общения, «температуры» переживаемого бытия. «Книжка вышла строгая. Толковая, по делу», – писал Давид Иосифович в феврале 1986 года в ответ на полученный сборник материалов о Л. Ф. Макарьеве. «Есть отличные воспоминания – Юрский, Арк. Минчковский и все вообще... Спасибо за память и дружбу. Мы с Верой обнимаем Катю и Вас. Любящий Д. Золотницкий».

Письмо от 19 августа того же года пришло из больницы. «Спасибо, что поделились со мной и Верой Вашей очередной радостью – прелестной книжкой «Шалапин в Москве» Я ее даже сразу прочитал – лежу в больнице, делать нечего. Хорошо! С любовью и добротным знанием предмета, без любомудровских переборов балалайки, но с полным признанием тонких достоинств предмета. Всё как было на самом деле и оттого особенно читабельно. Оформление подбавляет и по части интереса, и по части достоверности чего пишете. Премного благодарю!».

И в добрые, и в трудные минуты жизни Давид Иосифович был отзывчив и щедр на дружеское соучастие. А книги его существуют в моем сознании не только как выдающиеся исследования, они живут своей удивительной самостоятельной жизнью как уникальные явления научного творчества, органично сочетающие вдохновение, талант, изящество мысли – и мудрость человека, убежденного в своей этической позиции и способности, несмотря ни на какие, подчас коварные, повороты судьбы, оставаться верным себе.

*В. В. Чистякова, кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник сектора театра РИИИ
в 1957–1960 гг.*

И в шутку и всерьез

На театральный сектор Института театра и музыки, возглавляемый Давидом Иосифовичем Золотницким, меня приняли по окончании аспирантуры. Шел конец 1950-х годов. Сектору театра тогда предстояла весьма трудоемкая коллективная работа по истории советской драматургии. Тут каждый сотрудник был на счету, и, возможно, скоропалительное мое зачисление было связано с этим обстоятельством. Но сама я находилась в растерянности. Я не занималась советской драматургией с ее принципами «соцреализма». Уже в годы учебы в Театральном институте имени А. Н. Островского я интересовалась зарубежным театром, моя диссертация была посвящена испанскому драматургу XIX века, а, как критик, я тяготела к балету. Но Давид Иосифович (спасибо ему огромное!) предложил мне симпатичную тему – о творчестве Михаила Светлова, стоявшего как бы особняком среди драматургов своей эпохи.

Этот очерк оказался моей первой и последней работой на театральном секторе. После его сдачи по соизволению дирекции (и, конечно, при согласии Д. И. Золотницкого) меня перевели на музыкальный сектор, где работала Вера Михайловна Красовская. Конечно, она была уже маститым ученым, а я лишь начинающим балетным критиком, но нас связывала общность позиций по отношению к новшествам, которые происходили в советском балете того времени в связи с дебютами молодых хореографов Юрия Григоровича и Игоря Бельского. На музыкальном секторе мы быстро сдружились, я стала часто бывать у Веры Михайловны и соответственно общалась с Давидом Иосифовичем – уже не как с руководителем, а как с замечательным человеком – умным, одаренным, ироничным, шутливым...

И тут я позволю себе отвлечься от серьезности разговора, чтобы рассказать об удивительной атмосфере, царившей тогда в «Зубовском доме». Не знаю, почему это происходило, может быть, в противовес окружающей действительности, но мы, сотрудники института, беспрерывно обменивались какими-то виршами, эпиграммами, шутивными любовными письмами. А во главе этого веселого розыгрыша, параллельного серьезной научной работе, стоял «всемирный» поэт института, музыковед Моисей Осипович Янковский, имевший псевдоним «Мика Микашкин». Редко кому не писал Микашкин, но особым предметом его интереса были Красовская и Золотницкий.

Да, порой и в шутивных виршах проглядывали немаловажные черты адресата. Вот начало одного послания:

Загадка

Кто, бывало, ради правды
Воевал, не ведав страх,
Молодых научных кадров
Общепризнанный вожак?

Меткой шуткой, резким словом
Осадить умел иных.
Был завсектором толковым
И товарищем живым...

А вот:

В альбом Д. И. Золотницкому

Редактор, критик и поэт.
Нет брака в авторских страницах.
Был Янус – в двух, Спаситель – в трех,
А наш завсектор – в пяти лицах.

Имеется и сонет от лица адресата:

Жалобы Золотницкого

Ни сна, ни отдыха завсекторской душе.
Мне ночь не шлет отрады и забвенья.
И тяжело думать мне в полночной тишине.
Тяжко! Тяжко!

Борис Годунов

Вы послушайте, ребята,
Что рассказывает дед:
Хоть умом вы и богаты,
А порядку нет как нет.

Нет в вас тона делового.
Не поспеем... Не сдадим...
Вас, сотрудников-то много,
А завсектором один.

Да еще на заседаниях
(Ох, и дам им за грехи!)
Мне в лирических посланьях
Шлют ехидные стихи.

Кто прислал – узнай, попробуй.
Тут не хватит дней-годин:
Ведь сотрудниц у нас много,
А завсектором – один.

А домой придешь с работы
(Я, известно, нелюдим,
Мне развлечься нет охоты)
Все ж допрос необходим:

Додик, Додик, где ты был?
Я за марками ходил...
Выбрал марку, выбрал две –
Зашумело в голове.

Видно, мне туда дорога.
Довели, вишь, до седин.
В магазине марок много,
Покупатель – я один.

С виду сумрачный и бледный,
Так и маюсь, жизнь кляня.
Сами видите, что бедный.
Пожалейте же меня!

Но, конечно же, невозможно изъять из дела «безумные» послания Микашкина к В. М. Красовской с соответствующей характеристикой Золотницкого.

В. Красовской

Законный муж твой – Золотницкий...
Но это бред! Ведь ты моя!
Пусть не де юре, а фактички
Тобой один владею я.

Двух душ таинственное сходство
Соединило нас навек.
Ваш брак – нелепость и уродство.
Пойми, он – зверь, я – человек.

Пойми, он тощ, а я упитан,
Я – на трибуне, он – в толпе,
Пойми, он Друзиным воспитан,
А я Белинским и т. п.

Он в ап-энд-даун не играет,
А мы с тобою – мастаки,
Он тупо марки собирает,
А мы с тобою – коробки.

Ты эстетички и физички
Ко мне влечешься всякий час.
Так брось его! Ведь Золотницкий
Весь в прошлом для обоих нас.

Поскольку столь откровенный натиск явно не возымел успеха, последовал компромиссный вариант:

Жене 3-ского

Пускай ты выпита другим
(К тому ж не очень молодым!),
Но выпита ведь не до дна,
Ты мне душою отдана,
А грешным телом...
Но тело – телом,
А дело – делом!

Когда б ты только захотела,
То быстро б мы дошли до дела...
Могли б начать мы, например,
Весьма изящный адюльтер.
Мы очень славно заживем,
Как в свете принято, втроем.

Надо ли говорить, что и этот вариант остался лишь мечтой поэта Микашкина!

Кстати, именно Давид Иосифович озаботился тем, чтобы (в одном экземпляре!) издать сборник стихов Мики Микашкина, посвященных сотрудникам института, а иногда и более широким темам. Я помню эту прелестную книжку, напечатанную на пишущей машинке и аккуратно переплетенную. Но где и у кого она теперь – не ведаю.

В шутливой эпопее отразился, однако, живой образ Давида Иосифовича, его незаурядный, многогранный, а в чем-то парадоксальный характер, а, значит, сохраняется память о нем.

*А. А. Соколов-Каминский,
кандидат искусствоведения, профессор
Санкт-Петербургской консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова,
доцент Академии русского балета
им. А. Я. Вагановой.*

Давид Иосифович Золотницкий: Смысл. Стиль. Совершенство

Всегда относился к этому дуэту, Красовская – Золотницкий, с благоговением. Мы познакомились в 1967 году, когда я поступал к Вере Михайловне в аспирантуру. Звезда Красовской уже взошла: крупнейший – не исключено, в мире – историк балета, авторитетнейший, признанный всеми критик. Уже написан изрядный кусок истории русского балета, и труд этот продолжался, обеспечивая автору бессмертие. Давид Иосифович, естественно, был в значительной мере в тени известности супруги. А ведь всегда сам подчеркивал, что она в семье главная. Правда, шутливо обижался, когда на балетных премьерах говорилось: «Красовская с мужем, проходите!». Превращая его тем самым в безвестное сопровождающее лицо.

А было все не совсем так. Вовсе не так – уверен, ровно наоборот. Будущее планировал именно он, непременно уступая жене первенство. Нарочито, наглядно для остальных. Вот и докторскую диссертацию она уже защитила, а ему к этому еще предстояло прийти. Золотницкий несомненно помогал усидчивой жене в ее подвиге историка. По крайней мере, сама Вера Михайловна мне не раз жаловалась, что ненавидит всякие «вступления» и «заключения», иными словами – разделы, где требовалось обобщить происходящее. Думаю, тут роль мудрого супруга была решающей.

Золотницкий вошел в мою аспирантскую жизнь сразу, с первых же шагов. Я обожал свою «свирепую» (ее выражение) руководительницу, чувства приязни были взаимными, но при обсуждении моих текстов она нередко впадала в состояние крайнее, почти истерики. Я терялся и замолкал, подавленный взрывом эмоций. Тогда появлялся главный миролюбец, Давид Иосифович, работавший в соседней комнате и все слышавший; он находил какие-то простые слова, которые ситуацию преломляли. Читал мой текст, находил там уязвимое. Предлагал свой вариант, спрашивал – как лучше? Так начались мои университеты: поиски совершенства в тексте. Пристрастил к тому меня именно смирнейший, тишайший Давид Иосифович. А к тому времени Вера Михайловна уже эти университеты благодаря мужу прошла, стала многоопытной писательницей. Оказалась великолепной ученицей: настолько прониклась мастерством наставника, что оба могли в крайнем случае, при цейтноте, полном отсутствии времени, выполнить заказ, предназначенный другому. Иными словами, писали один - в - один.

А работали по-разному. Для Веры Михайловны это было служение: сделав часовую зарядку, сродни балетному экзерсису, приняв душ, позавтракав, непременно за письменный стол на всю первую половину дня, до обеда. Общение по телефону отменялось, чтобы не отвлекать от главного: звонить ей в эти часы было не принято. Всегда существовал определенный урок, внутреннее задание для себя – количество стра-

ниц написанного текста или число карточек, когда в библиотеке обрабатывалась пресса. Если обстоятельства отвлекали от этой обязательной повинности, Вера Михайловна признавалась, у нее неизменно портилось настроение. Это была еще эра пишущей машинки: текст рождался в рукописном виде.

Давид Иосифович привычно устраивался за своим письменным столом после завтрака, опуская все предшествующие приготовления жены. В отличие от нее, не всегда мог начать писать сразу. Иногда этот «пусковой период» основательно растягивался. Начало, первый абзац, должно было обрести волшебную силу: стать зерном, из которого произрастет всё последующее. В этих мучительных поисках спрятанного чудо-двигателя было нечто мистическое, с головой выдавало то мощное художественное начало, которое его вело.

Иногда Золотницкий делился своими профессиональными секретами. Уверял, что многое постиг, обращаясь к текстам своего любимого М. Е. Салтыкова-Щедрина. На ночь въедливо читал одну-две страницы блестящих текстов кумира, чтобы понять, как это сделано, как гений достиг результата. По словам Давида Иосифовича, претолочная школа!

Для меня же лучшей школой было общение с ним. Смотрите, говорил он, если убрать это слово, изменится ли что-нибудь? Какой вариант устойчивее, менее зыбок? Так отшлифовывался мой внутренний литературный слух, которым он сам был одарен сполна.

Рецептов – как следует писать – предлагалось немало. Текст должен быть прозрачным, размышлял он. Не ельник – сосновый бор: каждое дерево воспринимается отдельно, воздух между ними. Порядок слов – как в английском: подлежащее, сказуемое, дополнение. Никаких придаточных! Они маскируют отсутствие смысла. Лучший падеж именительный – потому он обязателен в афише: выстреливает смыслом прямо в цель. Если слово можно убрать – уберите: краткость сестра таланта. И все!

Постиг эту программу довольно быстро, оценил ее чудодейственную силу. Усомнился, правда, что такой способ письма единственный: он может быть разным, зависит от многих значащих вещей – темы, материала, адресата и так далее. Да и сам Золотницкий вообще не ограничивался этим универсальным методом. Но школа литературного мастерства тут заложена, действительно, замечательная: убедился в том в собственной педагогической практике, и те, кто осваивал ее, быстро в литературном отношении росли.

А была ли школа Золотницкого? Замечания редки, программа скромна до крайности. И дрессура – натаскивание повторами – отсутствует. Опыт нашего общения рождает мысли странные – о природе педагогики вообще, в принципе. Это на грани с мистикой – но и с волновой природой мира, так модной ныне, вполне согласуется. Вот мои придумки на этот счет. Общепризнанная форма обучения – вербальная, речью воплощенная. Но есть еще одна, может быть, главная: о ней ни педагог, ни ученик обычно не подозревают. Один излучает некие волны, другой принимает их: общение идет на невербальном неосознанном уровне. Идет подстройка обучаемого под мэтра – помните, как в радиоприемнике. И перекачка профессиональной информации. Необходимое условие для этого – абсолютное доверие, обожание даже. Уверен, у нас это было.

Вера Михайловна и Давид Иосифович в оценках происходящего в искусстве и в жизни чаще сходились. Но не всегда. Интересуются моими предпочтениями: кто Вам больше нравится, спрашивает Вера Михайловна, Комлева или Макарова – они считались самыми перспективными тогда молодыми балеринами. Мне нравятся обе: действительно, лидеры своего поколения, и при том совсем разные. Но я малодушничая, подыгрываю любимой руководительнице: говорю – Макарова. И мне тоже, ликует Красовская! А мне Комлева – решительно нарушает наш унисон Давид Иосифович. Она, по большому счету, настоящая!

Золотницкий, в отличие от жены, продолжал писать до последних дней. Вера Михайловна заключи-

тельные годы не могла этого делать. Ее невестребованный знаменитый куб с карточками, итог десятилетий напряженной научной работы, сиротливо стоял в углу. Неоднократно заходил разговор о его судьбе. Говорилось, что он должен перейти ко мне – таким образом я становился наследником великой наставницы. Я отмалчивался, желания забрать сокровище не объявлял. Более того, остерегался: ведь все, что я создам после того, будет приписано свойствам волшебного хранилища чужого труда и чужих мыслей.

К счастью, Вагановская академия неожиданно объявила о желании этот куб к себе забрать. Я тому только радовался.

Отношения с Красовской со временем менялись, с Золотницким – никогда. Расположенность, приязнь, доброжелательность все определяли, и с другими, я видел, тоже. Любовь родилась позже, на заключительном этапе наших дружеских отношений. Все разделявшее нас осталось далеко позади и даже забылось. Остались взаимное уважение к таланту и к сделанному. Оба мною гордились, иногда следовали одобрительные оценки. Похвалы были не часты, зато дорогого стоили. Неоднократно пили на брудершафт, всегда безрезультатно, стиль отношений оставался прежним: они были для меня из другого, особо почитаемого мира.

А вот и компьютерная эра подросла. Таня, дочь Давида Иосифовича по первому браку, хотела идти в ногу со временем и родителей к тому наставляла. Раздобыли дряхленький компьютер, давно отслуживший службу, у оружейного богатея: он, бесстыжий, не подарил им его, а продал. Стали брать платные уроки. Таня жалуется мне: вот уже четвертый урок грядет, а никто из них ничего не понимает. Тут во мне педагог встрепенулся: давай, я попробую? А ты можешь? – изумилась она. От слов – к делу: уселись дружно за почти пещерных времен компьютер, и я им байки про него пою, отработанные со студентами консерватории, которых мне приходилось тогда к новой технике приобщать. Меня, вижу, понимают, а вот сделать, выполнить – тут возникают трудности. Тата (так звали Таню

Золотницкую в быту) на лету схватывает и тут же в действия воплощает; и Давид Иосифович на высоте, пальцы, правда, не всегда его слушаются. Хуже с Верой Михайловной. Беру ее пальцы и нужные команды ими выполняю. Говорю: ну вот видите, все получается! Она: да ведь это ты, я понимаю (к тому времени она забыла, что мы на “вы”, и перешла на доверительное), но никогда не знала, что ты педагог такого класса! И трезво: нет, этого мне уже никогда не одолеть! И к компьютеру больше не подходила.

Остальные подопечные с моей легкой руки компьютер освоили и очень продуктивно с ним сотрудничали. И немало замечательных статей и книг ими были так созданы. Правда, приобрел я им нормальный современный ноутбук, остальную технику и стал отныне первейшим консультантом в этой области.

Нередко почетная миссия вынуждала меня на спортивные подвиги. Звонит Давид Иосифович, чуть не плачет: у меня все исчезло, а я уже столько нового текста написал! О ужас! Что делать? Главное, говорю, не беспокоиться: я примчусь и все верну! Бегу – от особняка Державина на Фонтанке, мы живем рядом, в их квартиру – угол Садовой и Невского. Километра три, думаю, не меньше. И так за день бывало раза четыре. Руки у него непослушные, старческие, и пальцы свободной руки за какие-то ненужные клавиши задевают. Теперь и сам этим грешу.

Написать Габриэле мемуары – была идея Веры Михайловны. Давид Иосифович ее горячо поддержал. И неоднократно повторял – это значительно весомей, чем монография о герое. Оба создание рукописи курировали, рождавшиеся тексты охотно читали, не скупилась на советы, бывали и замечания. Им первым книга была подарена. Очень приятно было, что выход книги и для них был праздник. Давид Иосифович на оценку не поспешил. Книга замечательная, – радовался он. И Вера Михайловна с ним соглашалась.

Особенно сблизились мы на заключительном этапе, когда уже не стало ни Веры Михайловны, ни Таты. Навещал я Давида Иосифовича часто, до трех-четырех

раз в неделю. Для нас обоих то был праздник. Когда уезжала на зарубежные гастроли моя жена, Давид Иосифович каждый раз предлагал: переезжайте ко мне, в Вашем распоряжении целая комната Веры Михайловны. Ведь нам так хорошо вместе!

Нам вместе, действительно, было очень хорошо. Тепло, уютно, сердечно. Но ведь там оставались звонки, ниточки, ведущие к другим близким людям, и порывать с этим даже на время не хотелось.

Давид Иосифович требовал, чтобы я показывал ему все написанное. Внимательно читал, делал нечастые пометы. Обычно говорил: все хорошо, на мои записи можете не обращать внимания. Я: да что Вы, когда я вношу Вашу правку, испытываю удовольствие чуть не сексуальное! Точно – в десятку. И горжусь, что Вы к моей рукописи прикоснулись.

Вагановская академия делала сборник, который содержал также воспоминания о Красовской. На ее смерть в свое время многие откликнулись – и близкие ей люди, и не близкие вовсе. Откликнулись все – кроме меня. Давид Иосифович: сейчас в сборник Вы должны написать обязательно, без Вас нельзя. Не могу, говорю, слишком близко; время должно пройти, все это должно в прошлое отъехать.

А сам понимаю: ведь он прав. А как себя перебороть? И тут вспоминаю нашу первую встречу, Красовскую в солнечных лучах у библиотечного ящика с картотекой. Написал, несу Золотницкому получившееся. Читать он любил полулежа на своей тахте в гостиной. А сам схоронился в углу дивана красного дерева, сжался так, боюсь, что не получилось, что разнос последует. Золотницкий читал долго, молча. Закончил, снова пауза. Ни замечаний, ни оценки. Наконец, вымолвил: сейчас так никто не напишет... И все.

Давид Иосифович дарил мне ощущение уверенности и покоя. Если он посмотрел, одобрил – можешь спать спокойно. Высшей оценкой меня как критика был его звонок: прочитал Вашу рецензию на стене, в расклейке; все понял! А писать ведь нам в советское время приходилось так, чтобы золотницкие поняли,

а партийные верхи придраться не могли. И мы эзопову языку научались и виртуозно им пользовались.

Давид Иосифович кроме таланта и душевной тонкости обладал еще одним редкостным даром – абсолютным чувством русского языка, дарованным ему свыше абсолютным литературным слухом. Похоже, последнее было унаследовано от матери: будучи машинисткой, она перепечатывала литературные сочинения известных писателей, и те ей настолько доверяли, что позволяли их править.

Как редактор Золотницкий был способен на чудеса. Очередной балетный сборник в любимом моем Зубовском институте. Призывают меня. Условия работы невозможные: министерство «дарило» горевшие где-то деньги по невыполненному заказу, и нам предстояло эту дыру в плане заткнуть: сделать книгу за несколько месяцев. Прошу Золотницкого быть редактором, и он, вопреки всеобщим ожиданиям, ради меня на то соглашается. Не все статьи получились, но времени заказать другую нет. Умоляю Давида Иосифовича отвергнутый им материал спасти. Это невозможно, говорит он, ведь не получилось совсем. Да я и сам это вижу! Но ведь сборника без этого раздела не будет. И я свое канючу, канючу. Наконец, строгий редактор надомной сжалился и за невозможное взялся. И ведь получилось! Никто никогда о том не догадается.

Читаешь Золотницкого – и ловишь себя на мысли: а ведь лучше сказать невозможно! Как он этого достиг? И можешь ли ты достичь того же?

Журнал «Балет» отметил Габриэлу в номинации «Мэтр танца». Награжденные удостаивались солидной статьи. Звонят из редакции, советуются, кого выбрать автором. Предлагаю Золотницкого. На том конце провода: было бы здорово, да он ведь не согласится! Ради Габриэлы? Ради меня? Обязательно пойдет навстречу! И Давид Иосифович, действительно, согласился. Написал потрясающую статью «Габриэла Комлева. Танец – счастье и боль» с очень тонкими наблюдениями и глубоким анализом («Балет». 2005, № 1). Похоже, это была его последняя публикация.

О родственных ко мне чувствах Давид Иосифович никогда не заикался. Но я эту расположенность, особенно в последнее время, чувствовал.

Снова журнал «Балет» заказал ему очередную статью; Золотницкий говорит – пишем вместе. Я сознательно от этого отлыниваю. Наконец, в очередной приход Давид Иосифович сообщает, без всякого укора ко мне: статья готова. Прочтите, выкиньте то, что не нравится, что угодно добавьте, но главное поставьте в конце свою подпись. Читаю, нахожу три места, которые можно сделать еще лучше, он со мной соглашается и правку вносит. Но, но..., подписать, говорю, ее не могу: Вы для меня – другое измерение. Рядом, через запятую с Вами, для меня невысказано...

Он – мой духовный отец. Сознания этого мне достаточно. Как мне его сейчас недостает!

*Л. С. Овэс, кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник
сектора театра РИИИ*

Урок Золотницкого

У Давида Иосифовича было фантастическое ощущение времени. Времени не в историческом смысле, а как цены мгновенья. Родившись в 1918 году, будучи фронтовиком, пережив сталинские репрессии (работая редактором, он не заметил ошибки, породившей политическую двусмысленность, и был отправлен в штрафбат, откуда его чудом вызволили), он лучше многих других понимал, что такое жизнь, смерть, миг, и никогда этот миг не упускал.

Работая во дворце на Исаакиевской, 5, Давид Иосифович редко поднимался на второй этаж на сектор театра. Приходил в Институт вовремя, а может быть и раньше – как только открывалась библиотека – он сразу же погружался в ее недра. Там у него был свой столик, за которым он и работал. Заканчивался день, и он уходил. Иногда все-таки заходил на сектор,

но не пил чай, почти не болтал с коллегами, не рассказывал никаких новостей, при том, что он ведь был сатиром. В его натуре прятался античный пан. Как он подхватывал тебя под ручку, сгибался, что-то шепча на ушко! В его поведении и реакциях жила постоянная готовность к шаржу, стремление к гротесковости и фарсовости. Неслучайно же он в последние годы исследовал природу комедии, сатиры и фарса.

И все это никак не мешало его фантастической работоспособности. Первый раз я увидела Давида Иосифовича в Комарово, в Доме писателей, куда была отправлена Галиной Владимировной Титовой, договорившейся с ним о рецензировании моей дипломной работы. Когда я приехала, мне показалось, что он вроде бы недоволен. На столе были пишущие машинки, лежали правленные листы. Оба они, Давид Иосифович и Вера Михайловна Красовская, работали. Ему было досадно, что он должен отвлечься чтобы взять у меня дипломную работу и уточнить сроки предоставления рецензии. Вот это фантастическое ощущение времени было присуще ему в полной мере.

И еще об одном уроке Давида Иосифовича, смысла которого дошел до меня с большим опозданием. Я работала в Ленинградском отделении ВТО, организовывала выставки. Я уже была хорошо знакома с ним, потому что сидела в одном кабинете с Наташей Морозовой, референтом балетной секции. Золотницкий с Верой Михайловной часто заходили к нам, потому что Красовская вела семинар молодых балетных критиков. Я подготовила экспозицию замечательного художника 1920-х – 1930-х годов Моисея Левина. Нашла в Театральном музее кучу фотографий, которые выставила наряду с эскизами декораций и костюмов. Я знала Давида Иосифовича как крупнейшего специалиста по истории ленинградского театра 1920-х – 1930-х годов и мне хотелось показать ему материал, я надеялась, что он увидит что-то новое, чего раньше не знал.

Я позвонила Давиду Иосифовичу и сказала, что не видела его на открытии, что выставка скоро закрывается и я хочу ему ее показать. Он пришел. Я ходила

гордая по залам и что-то рассказывала. Он смотрел, оценивал, задавал вопросы. Ходил, ходил, а потом наклонился ко мне и спросил: «Любочка, а Вы не хотели бы заняться своими делами?» Я была совершенно потрясена. Меня эта фраза поразила. Я не сразу поняла, что он сказал. Потом думала: «Какой он странный! Чем плохо то, чем я здесь занимаюсь? Ведь очень важно то, что я делаю».

На эту деятельность я потратила много лет и не жалею об этом ни секунды. Но, наверное, он сказал мне это вовремя, потому что через несколько лет так сложились обстоятельства, что я перешла в Российский институт истории искусств и стала изучать сценографию, то есть заниматься «своими делами». Тогда-то с опозданием меня и «догнал» вопрос Золотницкого, и я поняла, как он был прав, сказав это.

А какой был великий профессионал! Давид Иосифович и Вера Михайловна постоянно работали. Но умели и отдыхать. Это, видимо, взаимосвязанные вещи.

В нашем театроведении, в нашей отечественной науке были две легендарные пары – Татьяна Израилевна Бачелис и Константин Лазаревич Рудницкий – в Москве, и Вера Михайловна Красовская и Давид Иосифович Золотницкий – в Ленинграде. Будут ли еще когда-нибудь такие... Не знаю.

*А. А. Лопатин, кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник сектора источниковедения в 2000–2008 гг., сектора театра РИИИ
в 2008–2013 гг.*

Д. И. Золотницкий – 100 лет достоинства...

Пять лет дружбы и сотрудничества с Давидом Иосифовичем Золотницким стали для меня настоящей школой человеческого достоинства и высокого профессионализма. Быть его учеником я никогда не мечтал. Но судьба распорядилась иначе...

В 2000-м году я пришел работать в Российский институт истории искусств на сектор источниковедения,

незадолго до защиты своей кандидатской диссертации в Государственном институте искусствознания в Москве. С Золотницким мы были уже коротко знакомы, но профессиональные взаимоотношения проявились лишь в стенах института на Исаакиевской площади, 5. Произошло это сразу же. Перед защитой я подарил Давиду Иосифовичу автореферат своей диссертации, ни о чем не прося и ни на что не намекая. Неделю спустя Золотницкий принес и отдал мне заверенный, как положено по всем правилам, отзыв на автореферат, который оказался единственным на моей защите. Единственным, но очень значимым...

Д. И. Золотницкий,
И. Д. Пелих (слева),
А. А. Лопатин. 2004 г.

Так начиналось наше сотрудничество, которому суждено было продлиться лишь недолгих пять лет. Давид Иосифович в тот момент завершал свой капитальный труд – финальную часть исследования «Закат театрального Октября». О том, что монография готовится к утверждению на Ученом совете, я узнал от самого автора, который неожиданно предложил мне стать сторонним (т. е. с другого сектора РИИИ) рецензентом представляемой рукописи. Я, конечно же, согласился, несмотря на занятость, но зная

о коллегиальном стиле работы нашего института, который сохранялся в этих стенах с момента его основания в 1912 году графом В. П. Зубовым. Рецензировать труд Золотницкого было одно удовольствие. Это подвигнуло меня к изучению некоторых неизвестных мне материалов. Но так как Давид Иосифович всегда глубоко интересовался малой сценой, которой отчасти

занимался и я, то наши профессиональные интересы пересеклись, а в некоторых плоскостях – и совпали. Как и положено рецензенту, мне удалось обнаружить в рукописи и некоторые шероховатости и даже фактические ошибки. Зная об особой черте Золотницкого, которую он, безусловно, унаследовал от лучших представителей формальной школы ленинградского театроведения, а именно – особое внимание к значимым и на первый взгляд незначимым деталям, фактам, датировкам, точности в воспроизведении имен, фамилий, отчеств, названий, я несколько робел и предполагал, что автор немного болезненно примет мои поправки и некоторые замечания. Каково же было мое удивление, когда Давид Иосифович позвонил на следующий же день после передачи ему прочтенной мной рукописи, и принес мне слова глубочайшей благодарности за внимательное чтение его труда. «Это неоценимо! Я Вас благодарю за серьезный подход к делу...» – раздалось в телефонной трубке. Это был первый урок высокого достоинства и профессионализма человека и ученого, умеющего слушать и слышать критику, а главное – реагировать на нее адекватно. Уверен, что именно это стало первопричиной последующего нашего сотрудничества. Неожиданно Давид Иосифович предложил мне, когда книга пошла в печать, написать послесловие к ней. Я всячески убеждал автора, что ни в каких послесловиях или предисловиях его труд не нуждается, так как говорит сам за себя, и говорит основательно. Но Золотницкий убедил меня, что написанная ранее внутренняя рецензия при некоторой редактуре и переделке, вполне могла бы стать послесловием всего его капитального труда о движении Театрального Октября. Признаюсь, что для меня, молодого ученого, эти слова Золотницкого были очень лестны. И я согласился с предложенным им планом. «Тогда я Вас жду к себе в гости... Поработаем над послесловием», – немного с иронией предложил он. Если честно, я предполагал, что он начнет, как говорится, резать мой текст, «кромсать» его до неузнаваемости. Но этого, к счастью, не произошло. Я увидел в Давиде

Иосифовиче потрясающего редактора, умеющего довести текст до стилистически безупречного состояния. Это был второй урок высочайшего профессионализма старшего коллеги, который я с благодарностью усвоил, и продолжаю ему следовать по сей день. К сожалению, Золотницкому не посчастливилось увидеть свой труд напечатанным. Он немного не дожил до этого дня. Его замысел был переиначен издателем, и мое послесловие стало предисловием книги, несколько изменив смысловую нагрузку. А ведь Давид Иосифович всегда досконально продумывал структуру своих книг и придавал этому серьезнейшее значение.

К сожалению, примерно такая же история произошла и с другой книгой Золотницкого «Фарс... И что там еще?». Из внутренней рецензии, которую я написал по его предложению, мы совместными усилиями создали текст предисловия к книге, которая впервые осмысливала никогда ранее не анализируемый вид театра. Эта работа для автора была глотком чистого воздуха, где он мог избежать (и избежал!) любой идеологической интерпретации. Если в книгах о Театральном Октябре он вольно или невольно подчинялся сверхзадаче – показать бурный расцвет многообразных форм революционного искусства, то в исследовании о театре фарса в России ученый мог проявить полную свободу от любых идеологических парадигм. Он исследовал чистую форму, не зашоренную еще идеологией. В этом труде Золотницкого он в полной мере был самим собой – шутил, дурачился, каламбурничал, рассказывал по случаю анекдоты (правда, с бородой! но это не имеет значения). Но при всем при этом его труд оставался серьезным театроведческим исследованием, без перегибов, так сказать. Читалась книга легко, почти как детектив. Написать адекватное вступление к ней для меня было задачей трудной. Но благодаря деликатной помощи Давида Иосифовича, по-моему, мы с ней вполне справились. Но опять-таки ему не суждено было увидеть свой труд опубликованным. И снова по непонятной воле издателя мое предисловие стало... на сей раз послесловием, изменив задуманную структуру

автора. Это был третий и последний урок Золотницкого, уже усвоенный без него, – всегда доводи до ума свой труд самостоятельно и борись за него до конца.

Я благодарен Давиду Иосифовичу Золотницкому. Его школа не прошла даром. Для меня его путь в науке – не «сто лет одиночества», а «сто лет достоинства». И, несмотря на то, что сегодня театроведение не нужно нашему государству, его заветы остаются со мной. Авось еще пригодятся!..

*О. И. Розанова, кандидат искусствоведения,
доцент, профессор Академии русского балета
им. А. Я. Вагановой.*

Русский интеллигент Давид Золотницкий

1967 год. Институт истории искусств на Исаакиевской площади. В то время здесь занимались студенты театроведческого факультета Института театра, музыки и кинематографии, а по вечерам роскошным малахитовым залом или обычными комнатами дворца завладевали заочники. В их числе была и автор этих строк.

На втором курсе появился новый предмет «Театральная критика» и новый педагог – Давид Иосифович Золотницкий. Известный критик дебютировал на стезе педагогики. Насколько мне известно, это был его единственный опыт в этой области. Так что нашему курсу повезло, а мне – особенно: почему – поясню позже.

ДИ говорил тихим голосом, никогда не повышая тона и словно чувствуя неловкость от того, что нужно что-то говорить, делать замечания, наконец, учить. Деликатному обращению соответствовали мягкие, почти женственные черты лица, только глаза порой вспыхивали колючими искорками. За давностью лет подробности наших занятий забылись. Помнятся только эпизоды, непосредственно связанные со мной. Приношу извинения за невольное привлечение внимания к собственной персоне, но это дополнит «портрет» нашего учителя.

Моей первой работой была рецензия на спектакль «Через сто лет в березовой роще» в театре имени Ленсовета (пьеса Владимира Коростылева, постановка Игоря Владимировича, 1967 г.). Одним из декабристов, кажется, Оболенского, играл Леонид Дьячков. В нем не было ничего «романтического»: глухой голос, отсутствие пафоса, строгое выражение лица. Актер говорил так, словно был сердит на весь мир. Мне он не понравился, и был раскритикован. Позднее я оценила Дьячкова именно за его «особость», ходила на его спектакли, восхищалась ролями в кино. Но вот реакция Золотницкого: классическая толерантность. Мою работу он принял, только заметил, что возможны и иные мнения.

Показателен и другой случай, где ДИ проявил «двойную терпимость». Во-первых, я написала рецензию не на драматический спектакль, а на балет, что было нарушением правил. Во-вторых, балет «Горянка» по поэме Расула Гамзатова (Мариинский театр – тогда Театр имени С. М. Кирова) на музыку Мурада Кажлаева в постановке Олега Виноградова, признанный большим достижением, был мною со студенческой лихостью разгромлен. Но самое поразительное, что педагог поставил мне пятерку. Думаю, здесь не обошлось без вмешательства Веры Михайловны Красовской – супруги Золотницкого. Представляю, как их позабавила дерзость неопитки, но, возможно, именно эта независимость от общего мнения и подкупила авторитетных судей моей первой балетной рецензии.

ДИ преподавал у нас только один год. Видимо, это была вынужденная деятельность, отвлекавшая от главного. В дальнейшем, вплоть до дипломной работы, писать о балете мне не пришлось. Но общение с ДИ продолжилось, когда после окончания института я стала аспиранткой Красовской. Тогда же оба наставника стали для меня чем-то единым и неразделимым. Они и в самом деле всегда были вместе, не разлучаясь ни на службе – в Институте на Исаакиевской площади, ни дома – на Колокольной, а затем на Садовой (угол Невского), ни летом – в Рождествено, а позднее – в Доме творчества писателей в Комарово. При этом каждый

занимался своим делом, не теряя ни минуты. Удивительный союз высокоталантливых людей!

ДИ ходил вместе с ВМ на балетные спектакли и даже написал блестящий очерк об Аскольде Макарове. Вообще же, мне казалось, что он всегда оставался как бы в тени своей знаменитой супруги, однако его влияние на ее профессиональную деятельность было огромно. Без этого влияния балетная эпопея, созданная Красовской, была бы другой. Ведь по образованию Золотницкий – филолог, литературовед, снискавший репутацию блистательного стилиста и превосходного редактора. Литературный блеск зрелых трудов Красовской во многом его заслуга, правда, и ВМ оказалась прилежной и талантливой ученицей.

Авторитет Золотницкого-редактора для ВМ был непререкаем. Когда я приносила какую-либо свою работу, неизменно раздавалось: «Дода! Посмотри, что тут Ольга написала!» ДИ читал, попутно правил стилистические огрехи и давал работе «добро» в своеобразной форме. Обычно он говорил: «Ну просто нельзя читать без слез!» Ирония исключала банальность резюме. Казалось бы, правка была незначительной: вместо существительного – глагол, вместо длинного предложения – несколько коротких, вместо традиционного эпитета – необычный, а в результате текст становился свежим, живым. Для меня это была школа письма, поэтому я считаю ДИ своим учителем и храню страницы, отмеченные его рукой, как драгоценный документ.

Жалею, что из-за большой разницы в возрасте я стеснялась спрашивать ДИ о его жизни, о театре. Вообще он предпочитал не говорить, а слушать. Но на вопрос, как познакомился с ВМ, охотно отвечал примерно так: «На каком-то заседании в НИО передо мной сидела Вера, и у нее была косичка. Я не удержался и дернул за нее. Вера оглянулась, и с этого все началось». Немного воображения, и можно представить сердитый взгляд ВМ и обезоруживающе обаятельную, извиняющуюся улыбку ДИ. Дальнейшее известно...

Каждое посещение квартиры на Садовой или Дома творчества писателей в Комарово всегда заканчива-

лось застольем с неперменной рюмкой водки. Вечером нужно было расслабиться после напряженного трудового дня. Утреннее время до обеда посвящалось литературной работе. После обеда можно было почитать газеты, посмотреть телевизор – новости, футбол. ДИ любил прилечь на свою узенькую тахту, но то и дело вставал, садился к столу у окна в гостиной, чтобы «отстукать» на машинке очередную карточку. Сотворение картотеки (торжественный слог здесь вполне уместен) – было страстью ДИ. Несметное количество «карточек», собираемых десятилетиями, стали фактологической основой грандиозного театроведческого труда – многотомной истории советского театра послеоктябрьского десятилетия. Но ДИ был не только кабинетным ученым. Его увлекал живой современный театр. Очерки Золотницкого о деятелях театра, рецензии на примечательные спектакли, регулярно появлявшиеся в печати, составили бы еще один объемистый том.

Неутомимый труженик, ДИ в быту был неприхотлив и скромн. Знаю, что у него был закадычный друг – Семен Моисеевич Осовцов – «Сеня» (преподавал в Институте культуры). В балетном мире особенно ценил Аскольда Макарова – создателя образов Спартака, Батыра, Маяковского. ДИ не обладал мужественной статью героев замечательного артиста, однако мужества ему было не занимать не только на фронте Великой Отечественной войны, но и в кропотливом ежедневном труде, шаг за шагом неуклонно приближавшем к однажды поставленной цели. А какое требовалось мужество, чтобы, потеряв жену и дочь, продолжать жить и работать без жалоб и сетований на судьбу. С благородством условных балетных героев могла бы поспорить художническая бескомпромиссность, с какой ДИ судил о больших и малых событиях театральной жизни.

Не могу не вспомнить один вроде бы незначительный, но для меня дорогой факт. Однажды, почувствовав, что я испытываю материальные затруднения, ДИ, не говоря ни слова, вынул сто рублей и дал мне – не в долг, а просто так.

Достойный ученик и последователь Василия Алексеевича Десницкого – крупного литературоведа и незаурядной личности – Золотницкий был потомственным русским интеллигентом. Такие люди делают нас богаче, а жизнь – светлее.

*А. А. Кириллов, кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник сектора театра РИИИ
в 1986–2014 гг.*

В день 85-летия Давида Иосифовича

Канцелярия Президента Российской Федерации¹.
Подлежит доставке фельдъегерской почтой.

Выписка из протокола заседания Правительства Российской Федерации от 29.09.2003 за № 1/85.

В ознаменование 85-летнего юбилея
Золотницкого Давида Иосифовича

ПОСТАНОВЛЯЕМ:

1. Ввиду закрепленности почетного звания «Наше Всё» за А. С. Пушкиным присвоить Золотницкому Д. И. почетное звание «Всё Наше».

2. При каждом упоминании имени Золотницкого Д. И. в документах и публикациях предварять написание его имени написанием почетного звания с начертанием слов «Наше» и «Всё» с заглавной буквы.

3. Учítывая, что «Наше Всё» и «Всё Наше», в сущности, одно и то же, поручить Пушкинскому дому АН РФ издание академического комментированного собрания сочинений Всего Нашего Золотницкого Д. И.

¹ Этот шуточный документ А. А. Кириллов прочитал в день празднования 85-летия Д. И. Золотницкого в Зеленом зале РИИИ (*Прим. ред.*).

4. Все события и факты, упомянутые в литературе о русском драматическом театре и не упомянутые в сочинениях Всего Нашего Золотницкого Д. И., считать не существовавшими.

5. В развитие пункта 4 настоящего постановления поручить Министерству культуры РФ подготовить и издать новую редакцию «Истории русского драматического театра», основанную на трудах Всего Нашего Золотницкого Д. И.

6. Ходатайствовать перед Всем Нашим Золотницким Д. И. о написании им серии монографий на следующие темы:

«Зори Театральной Перестройки»,
«Будни и праздники Театральной Перестройки»,
«Академические театры на путях Театральной Перестройки»,
«Закат Театральной Перестройки».

7. Вести летоисчисление истории Российского государства со дня победы Давида над Голиафом. Внести соответствующие исправления во все школьные учебники по Истории Отечества.

8. Ходатайствовать перед руководством ЮНЕСКО о переименовании статуи Давида Микеланджело Буонаротти в Додика, поскольку подлинный Давид проживает в С.-Петербурге и прозывается Всем Нашим Золотницким Д. И.

9. Предложить Всему Нашему Золотницкому Д. И. учредить в СПб. Академии Театрального Искусства стипендию его имени из средств, выплачиваемых ему в качестве надбавки за докторскую степень.

Примечание: Во избежание злоупотреблений и недоразумений повсеместно разъяснить, что действие почетного звание «Всё Наше» не распространяется на недвижимость и прочее имущество юбиляра.

От имени и по поручению всего правительства его Начпулс

*В. А. Голомбевский,
заместитель директора по общим вопросам РИИИ
в 1993–2014 гг.*

Лучезарный Золотницкий

Правда, такое ощущение у меня всегда вызывал этот человек. И такое же искрящееся воспоминание осталось.

Приступая к работе в институте, знакомиться с его абorigенами, старейшинами было, конечно, особенно интересно. Удивительно, что и со стороны Давида Иосифовича я почувствовал проявление интереса. Мы всегда пересекались почему-то на главной лестнице или на ее верхней площадке. И с самого начала это не было каким-то дежурным поклоном, формальным «Здравствуйте!» Всегда возникал контакт, искра. Всегда горел, даже если и чуть прищуренный, его глаз. Всегда находились какие-то живые слова или шутки. Кто-то может и объяснит это желание общаться его одиночеством в последние годы, но я думаю, что в этом его сущностное отношение к людям, непреходящий интерес к жизни и, что очень немаловажно, неравнодушное отношение к институту. Как к Дому. Поэтому все, кто появлялся в этих стенах, кто шмыгал тут мимо него, не могли его не интересовать, оставаться для него безразличными.

А потом обнаружился и «предмет» взаимного интереса – искусство Райкина. Давид Иосифович был свидетелем и «отражателем» в периодике практически всего творческого пути Аркадия Райкина с довоенного еще Ленинграда и на протяжении многих десятилетий. Остается задумкой совместно с Фондом Райкина наковырять из газетно-журнальных архивов, собрать вместе эти десятки его горячих рецензий на премьеры всех спектаклей Ленинградского театра миниатюр и напечатать их в отдельном разделе третьего тома «Аркадий Райкин в воспоминаниях современников». Потому что это и живые, яркие свидетельства современника (в которых обнаруживаются бесценные сегодня

крупницы – факты и впечатления) и одновременно искушенный взгляд настоящего ученого-театроведа. Конечно же, Райкин не случайно привлек внимание Золотницкого, с его собственным чувством юмора, с его жизнерадостностью, свежим и ироничным взглядом на мир. И еще – с его глубоким пониманием специфики жанра: настоящий «Эстрадный Театр... Это больше, чем просто эстрада или просто театр. Это не сумма составляющих, а произведение множителей». (Здесь и далее цитаты из неопубликованной статьи Д. И. Золотницкого «Из зрительного зала. Клочки воспоминаний».)

А в последний уже год Давида Иосифовича, когда в институте только задумывался научный сборник, посвященный Аркадию Райкину, я попросил его сделать хотя бы небольшую статью – взгляд на Райкина спустя годы – как бы из сегодняшней, современной и совсем уже другой эпохи. Он стал отказываться. Мол, я уже все написал в свое время. И вообще я уже старей, и мне трудно, и т. д. и т. п. Помню свое чувство сожаления, если его статья не украсит наш сборник. Это было в среду. И помню свое чувство восхищения уже в следующий присутственный день, в понедельник, когда он как-то буднично, опять же на лестнице отдает мне мелко напечатанные им на машинке четыре листочка, озаглавленные «Из зрительного зала. Клочки воспоминаний». Написанные легко, изящно и мудро. Где помимо непосредственных воспоминаний очевидца есть еще и важные замечания, которые, наверное, не могли быть высказаны им в тех давних газетных публикациях. О том, что в тогдашнем сатирическом искусстве, «в тогдашней расстановке сил была та особенность, что не Райкин нападал – на него нападали; <...> За крамолу сходила естественность чувств, открыто проявленная человеческая нормальность. <...> Содержание его искусства предлагает курс гражданских добродетелей».

Сборник был подготовлен в 2013 году. Содержание его подобралось впечатляющим: серьезные научные статьи и доклады, уникальные, никогда не публиковавшиеся материалы и переписка. Но «расстановка

сил», как и «гражданские добродетели» вновь неожиданно сменили полюс, и этот сборник оказался в институте никому не нужным.

А вспоминая Давида Иосифовича, будто видишь лунную дорожку, отражающуюся в темном море, которая обязательно выведет к свету. В его очень непростой жизни в очень непростое время он сохранил в себе этот свет. И воистину, «уходя, оставить свет – это больше, чем остаться»².

*И. Н. Шимбаревич, театровед,
заместитель художественного руководителя
по общественно-просветительской
и исследовательской деятельности
в БДТ им. Г. А. Товстоногова,
Заслуженный деятель искусств РФ*

Товстоногов цитировал Золотницкого

Портрет Давида Иосифовича Золотницкого будет не полон, если не сказать, что его любили не только на Исаакиевской площади³. Я говорю о том, как он был невероятно дорог и значим для дома 65 на Фонтанке, для коллектива Большого драматического театра им. М. Горького⁴.

Георгий Александрович Товстоногов по-разному относился к критикам-театроведам, очень по-разному, знал каждому цену, догадывался, кто и что напишет о спектакле. У нас даже игра такая была, когда ожидался выход какой-нибудь рецензии, Георгий Александрович сначала предсказывал, что в ней будет написа-

² Строка из стихотворения Петра Вегина «Больше, чем остаться».

³ Исаакиевская площадь, дом 5 – адрес Российского института истории искусств, где сорок восемь лет служил Давид Иосифович Золотницкий. (Прим. ред.)

⁴ Набережная реки Фонтанки, дом 65 – адрес, по которому находится Большой драматический театр; с 1992 года носит имя Г. А. Товстоногова. (Прим. ред.).

но, а потом в рецензии это предсказание сбывалось: «такой-то актер хорошо сыграл» и в скобках фамилия этого актера. И, порой, не следовало никакого анализа спектакля.

Товстоногов ценил многих театроведов, и среди них были истинные друзья театра. Особо Георгий Александрович ценил две супружеские пары: московскую – Константина Лазаревича Рудницкого с Татьяной Израилевной Бачелис и, конечно, ленинградскую – Давида Иосифовича Золотницкого с Верой Михайловной Красовской. Георгий Александрович ценил невероятный ум и масштаб личности Давида Иосифовича. Когда приезжали Рудницкий и Бачелис (я встречала их на вокзале с «Красной стрелы»), то обязательно появлялся Давид Иосифович. Обязательно! И когда у нас случались так называемые операции по защите спектаклей, одним из самых активных участников этого дела был Золотницкий. Например, когда мы спасали спектакль «Смерть Тарелкина», из Москвы приехали театроведы: Константин Лазаревич Рудницкий, Татьяна Израилевна Бачелис, Александр Петрович Свободин, Инна Натановна Соловьева, Юрий Сергеевич Рыбаков. А из ленинградских театроведов-критиков был только один человек – Давид Иосифович Золотницкий. И именно Давид Иосифович был инициатором всей этой спасательной операции.

Показ «Смерти Тарелкина» был устроен утром в воскресенье. На него мы позвали работников обкома партии. И как бы случайно на утреннем спектакле оказались крупные театральные критики, и все якобы случайно встретились в кабинете Георгия Александровича. Понятно, что ничего случайного здесь не было. Все было срежиссировано. «Спектакль» в кабинете был также поставлен Товстоноговым, как и спектакль на сцене. И когда обкомовские люди стали высказывать свое возмущение: «что это такое, Тарелкин впереди прогресса, а прогресс сзади, “бей упырей, Россию выручай”», вот здесь понадобились эти театроведческие умы.

В кабинете все сидели вместе: чиновники из обкома партии и выдающиеся театральные умы XX века.

Именно Давид Иосифович помог нам тогда решить проблему – сохранить спектакль. Он предложил заменить слово «Россия» на слово «держава». Это авторство Давида Иосифовича! Конечно, было понятно, какую «державу выручай», все равно ведь Россию, но слово возникло иное, и в результате спектакль не был закрыт и получил возможность идти на сцене.

Георгий Александрович влюбился в Давида Иосифовича уже после его фундаментальной, потрясающей статьи о спектакле «Варвары» 1959 года – первой горьковской постановке Товстоногова. В связи с этим спектаклем расскажу небольшой сюжет. Давид Иосифович оценил поступок Кирилла Юрьевича Лаврова, поступок совершенно не актерский, не характерный для людей этой профессии. Он заключался в том, что Лавров пришел к Товстоногову и отказался от главной роли Егора Черкуна в «Варварах». Это чрезвычайно редкий случай. Лавров пришел и сказал, что у него нет нужного для этой роли темперамента. А уже было вывешено распределение ролей. Вообще-то при Товстоногове было не принято отказываться от ролей, даже второстепенных. Проще было сразу написать заявление об уходе. Листы бумаги всегда лежали на левом углу письменного стола Товстоногова, прямо у гостевого кресла напротив Георгия Александровича. Но Лавров был столь убедителен и аргументирован, что уговорил Товстоногова пригласить из Киевского театра им. Леси Украинки актера Павла Луспекаева. Он сказал, что ездил в Киев к отцу, увидел там спектакль «Гибель эскадры», а в нем Павла Луспекаева. Он пришел к Луспекаеву за кулисы, не будучи с ним знакомым, сказал: «Вы – потрясающий актер, хотите в Ленинград, хотите в БДТ, хотите работать с Товстоноговым?» Павел Луспекаев сначала отмахнулся, думая, что это актерская благодарность, просто профессиональный комплимент. Лавров не настаивал, решив сначала уговорить Товстоногова, и полетел в Ленинград. Ему удалось убедить Георгия Александровича. Тот согласился и сказал: телеграфируйте приглашение Луспекаеву.

Спустя полвека, делая опись документов в примерной Лаврова, я нашла три телеграммы Луспекаева

1959 года. Вот текст одной из них: «Дорогой Кирилл зпт какое счастье зпт что на свете есть люди зпт думающие не только о себе тчк. Конечно хочу Ленинград тчк Конечно хочу БДТ тчк Конечно хочу Товстоногову тчк Договаривайся тчк Телеграфируй Киев-2 До востребования Луспекаеву тчк Приеду зпт напьемся тчк Твой Паша Луспекаев тчк». Так он появился в нашем театре. И сыграл семь замечательных ролей. Не получил бы БДТ Луспекаева, если бы не этот неактерский поступок Лаврова.

Давид Иосифович познакомился и начал общаться с Павлом Луспекаевым после премьеры «Варваров».

Георгий Александрович цитировал ту статью Золотницкого 1959 года в течение всей жизни. Он цитировал его слова о «симфонической многозначности “Варваров”». В этой рецензии Золотницкий поместил спектакль Товстоногова в контекст не только хрестоматийных постановок пьесы, существовавших на тот момент, он сравнивал «Варваров» даже с первыми горьковскими спектаклями БДТ. А в БДТ поставили М. Горького впервые только в 1932 году.

Георгий Александрович всегда приглашал Давида Иосифовича в Большой драматический театр. И на эту операцию по спасению «Смерти Тарелкина» из ленинградских критиков пригласил только его одного.

Хочу отметить еще одно качество Давида Иосифовича. Это аристократизм. Обычно все критики всегда стремятся попасть на премьеру. За мои сорок два года службы в БДТ, один из немногих, кто принципиально не стремился попасть на премьеру, был Давид Иосифович Золотницкий. Он говорил: «спектакль должен задыхаться, спектакль должен обрести форму, кровь в его венах должна запульсировать в нужном темпо-ритме». И он всегда приходил на пятый, шестой, седьмой показ премьерного спектакля. И приходил он на спектакль не единожды, любил смотреть, как спектакль развивается. В этом смысле Давид Иосифович был истинно театральным человеком. И потом через какое-то время он звонил мне и говорил: «мой юный друг». Я всегда знала, что это Давид Иосифович. Я, ко-

нечно, бывала у них в квартире на Садовой, гуляла с Давидом Иосифовичем в Комарово по берегу Финского залива и, конечно же, что там говорить, была влюблена, потому что в него нельзя было не влюбиться. Он был для меня личностью фантастического масштаба, олицетворением ума, мужчины, джентльмена. В нем соединялись академизм, энциклопедические знания в разных областях, юмор, ирония, самоирония и какое-то мальчишеское хулиганство.

Сейчас, конечно, мало, кто помнит, потому что уходит поколение Золотницкого. Но Дина Морисовна Шварц, мой учитель, и Георгий Александрович Товстоногов невероятно ценили и понимали суть этого человека, этой личности, его масштаб, талант, его скрупулезный подход ко всему и невероятную любовь к театру. Эта любовь позволяла Золотницкому быть очень критичным, и Товстоногов всегда его внимательно выслушивал. Бывала у Давида Иосифовича и нелестная оценка, на высказывание которой он завоевал право. И Товстоногов принимал эту критику от Золотницкого.

Давид Иосифович был всегда дорог нам, особенно Георгию Александровичу и Дине Морисовне, и, конечно, мне тоже. Я – счастливый человек потому, что была знакома и общалась с Давидом Иосифовичем Золотницким.

*Т. Б. Забозлаева, кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник сектора театра РИИИ
в 1975–1988 гг.*

История театра – это кратчайшее расстояние между цитатами

Давид Иосифович Золотницкий принадлежал поколению моих родителей. И потому отношения наши складывались, как водится у отцов и детей. Он воспринимал меня с иронией и снисходительностью. А я все недоумевала, зачем он использует в своих историче-

ских трудах такое количество цитат. Причем, порой, дублирующих друг друга. Тем более, что в моей студенческой среде любили повторять: история театра – это кратчайшее расстояние между цитатами.

Прошли годы, больше того – десятилетия. И я в своих работах по истории отечественного быта делаю сегодня то же самое. Использую огромное количество цитат, не решаясь пересказать их, как в молодости, своими словами.

Почему? Да, потому, что, помимо моей точки зрения на предмет, читатель должен знать еще источники, которые я нашла. И, возможно в приведенных фрагментах разглядеть иной смысл, иной подтекст, который я не заметила.

Давид Иосифович был мудрым и располагающим к себе человеком.

И мне было радостно в один из дней Победы в толпе Бессмертного полка увидеть мальчишку, который нес портрет Золотницкого.

*О. Е. Скорочкина, кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник сектора театра РИИИ
в 1988–1999 гг.*

«Вычеркнутое не будет освистано»

Давид Иосифович всю свою ученую жизнь мелким бисерным почерком записывал историю театра XX века, его будни и праздники. Именно почерком, я не оговорилась – тогда не было не то что компьютеров, машинки были не у всех – и рукописи сдавали машинисткам. Я даже помню его почерк, безукоризненно-каллиграфический, аккуратный. никаких тебе нервных искривлений и завихрений. Этим почерком он правил мои тексты – на секторе театра на Исаакиевской. Был моим оппонентом и первым редактором. Иногда он недрогнувшей рукой варварски, как мне казалось, вычеркивал из текстов целые абзацы –

корпела-корпела, вырисовывала, а он раз, и в корзину. Я дико страдала. Но уже тогда понимала, что вообще-то он был прав. Тем более, что, вычеркивая, обещал: «Вы поймите, вычеркнутое не будет освистано!». Давид Иосифович, дорогой? – о театре пишут километрами, и никто не боится быть освистанным. Все пишут, но мало кто умеет вычеркивать и сокращать. Как это умел он.

Из его книг мы получали легенды театра – напрямую, без посредников. Он был свидетелем великой театральной эпохи, видел спектакли Таирова и Мейерхольда.

А теперь и сам стал легендой. Он прожил такой век, когда жизненно необходимым было умение держать удары судьбы. И он их держал, причем настоящие. Но рассказывал он о них с легкостью и как бы извиняющейся улыбкой, будто и не с ним произошло – как вызывали на допросы в Большой дом, как воевал в Синявинских болотах, и смерть свистела совсем рядом, и как работал в опальной «Звезде».

Историк театра, он и историю Отечества знал не понаслышке. А поскольку Отечество с человеком не церемонилось, он ушел, словно в эмиграцию, в историю театра и в научную библиотеку. Тем более пойдти сыщи прекраснее библиотеку, чем в Зубовском особняке. Я как-то читала там его книгу и увидела дарственную надпись Золотницкого «Моей родной библиотеке, без которой ничего этого не было бы». Написать в адрес научной библиотеки – моей родной! – не у каждого получится, и не каждый имеет на это право. Давид Иосифович имел. И это было у него не для красного словца. Он вообще писал твердо и спокойно – без красных словец. Когда бы в библиотеку ни зашел – там непременно светилась хотя бы одна лампочка в полумраке, и это была лампочка Золотницкого.

Его отец, умерший в 1938 году, был часовых дел мастер, механик по точным приборам. «Часовой механизм» Золотницкого, запечатлевшего в своих трудах историю отечественного театра XX века, работал безукоризненно.

Он был старомодно академичен, научная корректность, дисциплина мысли и труда... При этом – природный дар артистизма и легкомыслия. Раньше на секторе театра стоял рояль, Золотницкий на нем играл. Он озвучивал наши будни и праздники. Иногда пел – что-нибудь совсем легкомысленное, например, арии из оперетт. Боюсь, этот рояль давно расстроен, и никто на нем не играет. Была бы рада ошибиться.

В гостях у Золотницкого, 2003 г.

Н. А. Рабинянц, Д. И. Золотницкий, О. Е. Скорочкина

Было трудно позвать его на спектакль. В последние годы жизни он почти не ходил в театр. Почему? Ну почему вы не посмотрели премьеру?! Он отвечал – как тот парикмахер из анекдота: «Всех не переброешь».

Между тем, один из немногих поддержал Ефима Падве в последний мучительный период его жизни. Все ругали Падве за увлечение музыкальной эксцентрикой, мюзиклами, все ждали от него серьезных драм. Золотницкий тогда вышел из своего академического подполья и написал газетную статью «Нескучный сад на Фонтанке».

В театр в последние годы ходил с трудом, поскрипывая. Но зато совсем легко было зазвать его в филармонию. Мы с ним часто ходили туда, и он откликался мгновенно. Мне кажется, зал филармонии, как и библиотека на Исакиевской, 5, были его гением места. Ему там было хорошо, и он был соразмерен пространству и контенту. Потом мы шли к нему домой на Садовую и пропускали, как он их называл, ворошиловские сто грамм. Водку настаивал лично на хреновых листьях, чем очень гордился. Знал рецепт и вкус жизни.

Если бы надо было описать его долгую жизнь всего в нескольких словах, я бы одолжила эти слова у Бродского.

«Скрипи перо. Черней бумага. Лети минута».

Скрипит перо. Вычеркнутое не будет освистано. А написанное всегда кому-нибудь сгодится. Хоть в родной библиотеке, а хоть и не в родной.

*Г. В. Копытова, заведующая Кабинетом рукописей
РИИИ*

Архивные материалы Д. И. Золотницкого в Кабинете рукописей РИИИ

Давид Иосифович Золотницкий был большим другом Кабинета рукописей и часто заглядывал на огонек по научным делам, а порой и без повода – пообщаться с Верой Александровной Николаевой и Ольгой Львовной Данскер. Как исследователь, ориентированный на историю советского театра, он знал цену архивным документам, уважал труд архивистов и умел это уважение выразить и всерьез, и в шуточных панегириках «Прекрасным Архивным Дамам». Шуточные рыцарские речи отзвучали и растаяли во времени, а вклад Давида Иосифовича в Кабинет рукописей остался навечно – в виде документа, хранящегося в фонде 1⁵ («Со-

⁵ КР РИИИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 75.

брание рукописей и писем деятелей музыки и театра»). Вот текст этого документа:

Уважаемые Димитрий Анатольевич и Давид Осипович,

Закончил обещанные оставшиеся 2 главы. Постарался учесть Ваши советы и замечания. Считаю эти главы наиболее ответственными, и поэтому настоятельно прошу ничего не резать. Если смутит объем, лучше поделить на 2 номера.

*Буду [в] Ленинграде 15-го, обязательно зайду.
С тов. приветом Н. Черкасов
4/VIII 50.*

Как видим, это – письмо Народного артиста СССР Николая Константиновича Черкасова от 4 августа 1950 года, адресованное Дмитрию Анатольевичу и Давиду Осиповичу. Оно заинвентаризировано в Кабинете рукописей (в ту пору он именовался Историографическим кабинетом) в 1961 году, с пометой в книге поступлений: «Дар от Д. И. Золотницкого 3 октября 1958 года». В тексте письма фамилии адресатов не указаны, однако название единицы хранения имеет их четкое обозначение: «Письмо Черкасова Николая Константиновича Левоневскому Д. А.⁶ и Золотницкому Д. О.». Имена-отчества Левоневского и Золотницкого Черкасов пишет не официально, а обиходно, по-дружески – «Димитрий Анатольевич и Давид Осипович», вместо «Дмитрий» и «Иосифович».

Нет сомнения, что недостающую информацию Давид Иосифович сообщил сотрудникам Историографического кабинета в момент дарения письма.

В нашем институте Золотницкий работал с 1957 года. Дар Кабинету рукописей – это отголосок его предыдущей деятельности в качестве редактора журнала

⁶ Левоневский Дмитрий Анатольевич (1907–1988) – поэт, прозаик, переводчик, публицист. В 1950 г., в период работы над воспоминаниями Н. Черкасова, Левоневский был выведен из состава редакции и освобожден от обязанностей ее секретаря в связи с постановлением оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Уважаемые
Дмитрий Анатольевич
Валерий Осипович
Законопоборные
составили 2 галки
Посылаю вам
совета и замечания.
Считаю эти галки
наиболее отвлеченными
и поэтому целесообразно
к этому ничего не добавлять.
Если смутит объем

лучше подать на
2 листа
Буду в Ленинграде
15го
обсуждать записку
С инт. известия
Черкас
4/14 50.

Письмо Н. К. Черкасова
Д. И. Золотницкому и
Д. А. Левоневскому
4 августа 1950 г.

ла «Звезда» (1946–1957). В 1950 году он, совместно с Д. А. Левоневским, готовил журнальную публикацию воспоминаний Н. К. Черкасова. Воспоминания печатались «с продолжением» – в четырех номерах журнала за 1950 год⁷, с добавлением начальной главы воспоминаний в 1951 году⁸. Ни в одном из номеров «Звезды» не указано, кто готовил текст воспоминаний к публикации. Письмо Н. К. Черкасова неопровержимо свидетельствует, что к воспоминаниям великого артиста, вошедшим в золотой фонд советской мемуаристики, приложили редакторскую руку Давид Иосифович Золотницкий и Дмитрий Анатольевич Левоневский.

Вышеприведенное письмо – не единственный документ в фондах Кабинета рукописей, связанный с именем Давида Иосифовича. В личном архиве Анатолия Яковлевича Альтшуллера хранятся адресованные ему письма Золотницкого – свидетельство их тесной многолетней дружбы, спаянной личной симпатией, общностью научной деятельности, семейными связями. Большая часть этих корреспонденций – искрящиеся юмором новогодние поздравления, подписанные всеми членами семьи Золотницкого – Верой Михайловной Красовской и дочерью Таней. Вот пример такого поздравления на открытке, датированной декабрем 1963 года⁹:

Дорогой Толя! От души поздравляем тебя с наступающим, опять же, Новым годом, желаем тебе и твоему милейшему семейству здоровья, счастья, богатства, полного благополучия и, как минимум, из-

⁷ Черкасов Н. К. Из записок советского актера о своей профессии // Звезда. 1950, № 7, 8, 9, 10.

⁸ Черкасов Н. К. Начало пути. Из записок советского актера о своей профессии // Звезда. 1951, № 11. С. 168–175. В том же году появилось первое книжное издание: Черкасов Н. Из записок актера. М.: Правда, 1951. (Библиотека «Огонек», № 42–43). 80 с. Полностью воспоминания вышли в 1953 г.: Черкасов Н. К. Записки советского актера / ред. Евг. Кузнецов. М.: Искусство, 1952. 391 с.

⁹ КР РИИИ, ф. 136, оп. 1, ед. хр. 84, л. 1.

дательского одобрения твоего фолианта об Александринке¹⁰. Целуем. Любим.

В. Красовская, Д. Золотницкий, Таня.

Есть среди праздничных семейных посланий и письмо иного свойства, свидетельствующее о тесных научных связях друзей. Это письмо является ответом Золотницкого на вопрос, заданный Альтшуллером в июле 1984 года, когда он с семьей – женой Юлией Петровной Рыбаковой и дочерью Дашей – проводил отпуск на базе отдыха «Лилия» в Ленинградской области. Судя по содержанию ответа Золотницкого, вопрос Альтшуллера заключался в генезисе названия статьи В. Э. Мейерхольтда и его претворении в «Мистерии-буфф» В. В. Маяковского. В привычно-шутливой форме Давид Иосифович дает исчерпывающую справку¹¹:

Спешу заключить тебя с семейством, душка Анатоль, в дружеские объятия и сполна утолить твою беспримерную жажду знаний.

«Сверчок на печи, или У замочной скважины» – так называлась статья за подписью «Доктор Дапертутто», напечатанная в журнале «Любовь к трем апельсинам», 1915, № 1-2-3, стр. 89–94.

Маяковский в прологе ко второй редакции «Мистерии-буфф» (1921) воспользовался этим легким мотивчиком. Нечистый в прологе заявлял:

*Для других театров
представлять не важно:
для них
сцена –
замочная скважина.
Сиди, мол, смирно,
прямо или наискосочек
и смотри чужой жизни кусочек.*

¹⁰ Имеются в виду издательские перспективы монографии: Альтшуллер А. Я. Театр прославленных мастеров. Очерки истории Александринской сцены. Л.: Искусство, 1968. 306 с.

¹¹ КР РИИИ, ф. 136, оп. 1, ед. хр. 84, л. 8.

[18.07.84]

8

Спешу заключить тебя с семейством,
дочка Наталья, в дружеские объятия
и сполна утешить твою бесприменную
жажду знаний.

«Сверток на перн, или Ужасной олимпиады»
так называлась часть за подписью «Дочка Дачного»
напечатанная в журнале «Любовь к родине —
сила», 1915, № 1-2-3, стр. 89-94.

Маяковский в прозе по поводу ретельно
«Михайлов-Гурф» (1921) всеобщего зина
легким моривиком. Немерло в прозе
заблел:

Два дугих реаров
претерпеть не fanno:
двух их
смена —
замученная олимпиада.
Сиди, мол, сиди,
преле или напекасотек
и сиди гудай тити нуколек.
(и дальше...)

Теперь уже задача дачного ди следенно
до каиборо адвухоморо на базе «дучи»
там, чтоб их можно разлуди — и отчеканить до!
Юноа пошерб от мену в чертливие губы.
Дашу — в арие уст. Опа, поди, с Вами?
Ты не миселель.
Мои дачи Вас мает и лобзает.
Уважаете Выи до!

24 мая, без уха в арик, переплан в Канарато.

Письмо Д. И. Золотницкого А. Я. Альтшуллеру

(и дальше...)

Теперь твоя задача довести эти сведения до каждого отдыхающего на базе «Лилия» так, чтобы их ночью разбудил – и отчеканили бы!

Юлю поцелуй от меня в черничные губы. Дашу – в алые уста. Она, поди, с Вами? Ты не пишешь.

Мои дамы Вас любят и лобзают.

Уважаемый Вами Дод!

[приписка по левому полю письма:] *24 июля, без ухода в отпуск, переезжаем в Комарово.*

Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека представила участникам конференции краткий обзор архива Д. И. Золотницкого и его рабочей картотеки – уникальных материалов, переданных в 2007 г. в библиотеку Юрием Михайловичем Красовским. Занимаясь научно-исследовательской деятельностью, Давид Иосифович много времени проводил в Театральной библиотеке и был не только ее читателем, но и большим другом. Закономерно, что архивные материалы ученого пополнили ее фонды.

Т. А. Синельникова, заведующая сектором архивных материалов Отдела редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных материалов СПбГТБ.

Материалы Д. И. Золотницкого в архивном собрании Санкт-Петербургской Театральной библиотеки

Архив Давида Иосифовича Золотницкого, поступивший в Театральную библиотеку в 2007 году, был объединен с переданным ранее архивом его жены,

балетоведа, историка балета В. М. Красовской (1915–1999). Вместе эти материалы составили архивный фонд «В. М. Красовская, Д. И. Золотницкий» (фонд № 60 в архивном собрании библиотеки). Фонд в целом логически делится на два больших раздела, содержащих документы Красовской и Золотницкого; к ним примыкает еще один раздел, небольшой, – с материалами театроведа Татьяны Давыдовны Золотницкой (1946–2000), дочери Давида Иосифовича. Находящиеся в архиве документы Золотницкого значительны по объему и с достаточной полнотой представляют его обширное наследие. Это материалы к биографии (документы военного времени, автобиографии, автобиографические рассказы и заметки Д. И. Золотницкого), творческие материалы (книги, статьи), материалы, собранные для работы (в том числе подборки по персоналиям и о театрах), переписка, театральные программы и приглашения, фотографии, другие документы.

Наиболее значительный по объему раздел архива – творческое наследие Золотницкого, отражающее широкий круг его интересов и диапазон высказываний – от отдельных заметок и публикаций в периодической печати до научных монографий. В архиве находятся материалы к пяти книгам Золотницкого (варианты текстов, протоколы обсуждений в ЛГИТМиК и др.): «Театр внутренней эмиграции» (книга посвящена театрам комедии в Петербурге–Ленинграде и в Москве; опубликована не была), «Мейерхольд. Роман с Советской властью» (М.: Аграф, 1999), «Сергей Радлов. Режиссура судьбы» (СПб.: РИИИ, 1999; впервые издана в 1995 г. на английском языке), «Закат театрального Октября» (СПб.: РИИИ, 2006), «Фарс... и что там еще?» (СПб.: Нестор-История, 2006). В архивных документах отражены и проекты неосуществленных книг: «Юрий Толубеев», «Московский театр „Комедия“», «Г. А. Товстоногов. На пути к спектаклю-роману» (другое название – «Товстоногов в БДТ»).

В архиве сохранилось более двухсот статей Д. И. Золотницкого: исследования, вошедшие в состав научных сборников, монографий по истории русского,

советского театра, выступления в печати, рецензии на спектакли и кинофильмы, отзывы о книгах. Многие из этих работ посвящены творчеству режиссеров, артистов русского советского театра и эстрады, артистов балета. Среди них Н. П. Акимов, И. П. Владимирова, Е. М. Грановская, Г. Т. Комлева, А. А. Макаров, П. Н. Орленев, С. Э. Радлов, А. И. Райкин, Н. К. Симонов, Н. П. Смирнов-Сокольский, А. Я. Таиров, Г. А. Товстоногов, Ю. В. Толубеев. Золотницкий обращался также к наследию русских советских писателей, драматургов: М. А. Булгакова, А. М. Володина, М. Горького, Е. И. Замятина, Н. С. Гумилева, В. Ф. Пановой, М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Отметим, что почти для каждого из этих имен в архиве отведена отдельная папка, в которую помимо собственных текстов Золотницкий помещал и другие материалы – подборки публикаций в периодической печати, фотографии, театральные программы и т. п.)

Ценная для исследователей часть архива Золотницкого – его рабочие подготовительные рукописи, в которых обобщены фактические сведения о многих отечественных театрах и театральных предприятиях 1900–1930-х годов: сводки репертуара по годам, списки актеров, режиссеров, перечни драматургов. Таким образом собраны сведения о театре «Невский фарс», Театре Неметти, театре «Кривое зеркало», Литейном театре, Театре Сабурова в «Пассаже», Ленинградском театре Комедии, театре «Комедия» (бывший Корш) в Москве, Театре МГСПС и о многих других театрах и объединениях.

Материалы архива свидетельствуют о кропотливой исследовательской работе Золотницкого с многочисленными источниками по истории театра. Некоторые из них отложились в архиве, в том числе – коллекция программ и приглашений на спектакли Большого драматического театра 1929–1939 годов (всего более тридцати программ и приглашений). Особо нужно отметить материалы, собранные Золотницким в процессе работы над книгой о режиссере С. Э. Радлове. Это в первую очередь воспоминания актеров, работавших в театре

под его руководством («Молодой театр», «Театр-студия под руководством С. Э. Радлова», Театр имени Ленинградского Совета). В архиве находятся воспоминания В. Н. Гусевой (в письме к Золотницкому от 27 марта 1993 года и в очерке «Мои воспоминания» [1980-е]), Н. Н. Крюкова [1980-е], Т. И. Певцовой (в трех письмах к Золотницкому 1988 года), Т. Е. Якобсон (в четырех ученических тетрадах, [1980-е]), В. Я. Чобура [1970-е–1980]. Воспоминания охватывают весь период деятельности театра и труппы Радлова с конца 1920-х по 1940-е годы; в книге Золотницкого «Сергей Радлов. Режиссура судьбы» они цитируются лишь частично. Сохранились и другие документы: фотографии со сценами из спектаклей театра Радлова, брошюры, театральные программы, подборка газетных вырезок со статьями о театре.

Количество писем Золотницкого к разным лицам, находящихся в архиве, невелико. Большинство из них относится к 1990-м годам и связано с переговорами с зарубежными издательствами. Преобладают письма, адресованные Давиду Иосифовичу. Значительная их часть – отклики на статьи и книги Золотницкого. Среди его корреспондентов – переводчица Рита Райт-Ковалева, театроведы и историки театра Ю. А. Дмитриев, К. А. Рудницкий, Е. Д. Уварова, А. В. Февральский, писатель и литературовед В. Б. Шкловский. В письмах к Золотницкому содержатся интересные мемуарные очерки: театроведа и театрального критика С. Д. Дрейдена – с рассказом о театрах 1920-х годов; актера Ленинградского ТРАМа Н. И. Виноградова с воспоминаниями о В. Э. Мейерхольде и его постановках в ГосТИМе; режиссера Д. И. Мечика – о театре 1930-х годов, Л. С. Вивьене и С. Э. Радлове; Н. В. Бакрадзе-Суходольской – о своих родителях, Е. М. Суходольской (урожденной Чавчавадзе) и В. П. Суходольском, организаторах Свободного театра (совместно с режиссером К. А. Марджановым) и Драматического театра Суходольских, действовавших в Москве в 1913–1919 годах.

Среди фотографий, отложившихся в архиве, – фотопортреты Золотницкого 1940-х–1990-х годов, фотооткрытки с портретами артистов дореволюционного театра. Здесь же фотографии актеров и сцен из спектаклей Большого драматического театра («Егор Булычев и другие» [1932], «Стакан воды» [1940]), Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина («Великий государь» [1945], «Жизнь в цвету» [1947] и др.). На фотографии Н. К. Черкасова в роли Ивана Грозного (спектакль «Великий государь») – дарственная надпись: «Д. О. Золотницкому на добрую память от Великого Государя. Н. Черкасов. 24/VII-50».

В архиве Д. И. Золотницкого сохранился и небольшой комплекс документов поэта и прозаика Анатолия Дмитриевича Клещенко (1921–1974). Это материалы о писателе; его творческие рукописи, время создания которых относится к периоду пребывания А. Д. Клещенко в лагере и ссылке в 1941–1956 годах; фотопортрет А. А. Ахматовой [1924] с дарственной надписью Клещенко от 9 февраля 1962 года; фотография Б. И. Коплана (1898–1941), двоюродного брата Клещенко, филолога, историка литературы XVIII века, в 1919–1929 годах – ученого хранителя и ученого секретаря Пушкинского Дома (Коплан снят вместе с женой, С. А. Коплан-Шахматовой и сыном Алешей; фотография – поздняя копия оригинального снимка 1920-х гг.). В архиве Золотницкого эти документы оказались, по-видимому, благодаря его знакомству с вдовой А. Д. Клещенко, Б. А. Клещенко.

Таков архив Золотницкого, хранящийся в Санкт-Петербургской Театральной библиотеке. Надеемся, что предпринятый краткий обзор будет полезен исследователям и всем, кто интересуется историей театра и искусства.

*Е. Г. Федяхина, заведующая сектором
работы с ретроспективными материалами
Отдела справочной и научно-библиографической
работы СПбГТБ*

Историко-театральная картотека Д. И. Золотницкого

Всю свою исследовательскую жизнь, вплоть до последних дней, Давид Иосифович Золотницкий вел рабочую картотеку. В ней собрана информация на русском языке из периодической печати конца XIX – середины XX века о деятелях культуры и искусства, по теории и истории театра, а также о театрах Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда и Москвы.

Специально для картотеки Д. И. Золотницкого, поступившей в Театральную библиотеку в старых фанерных каталожных ящиках, был заказан новый каталожный шкаф, где карточки были расположены в том же порядке и объеме.

Сейчас эта уникальная картотека насчитывает 97 ящиков, в которых хранятся приблизительно 96 500 карточек. Размер карточек стандартный, 75 × 125 мм, разделителей – 125 × 90 мм, тексты на них – рукописные или машинописные. На многих карточках помимо аннотации приведены фрагменты статей, заинтересовавших исследователя. Они переписаны аккуратным, мелким, хорошо читаемым почерком. Иногда Давид Иосифович приклеивал к каталожной карточке вырезки из периодических изданий. В основном это относилось к тем изданиям, которые он выписывал многие годы: «Советская культура», «Вечерний Ленинград», «Ленинградская правда», «Театральный Ленинград». В огромном массиве информации легко ориентироваться благодаря педантичности и аккуратности ученого: чаще всего данные на разделителях и библиографические описания напечатаны на машинке и включают в себя все сведения об источнике.

С кропотливой тщательностью, присущей ему, Давид Иосифович Золотницкий фиксировал все источни-

ки, использованные им в работе. Три ящика занимает алфавитная картотека названий более 380 периодических изданий, рассмотренных и расписанных ученым. В некоторых случаях, например в части, содержащей сведения об изданиях «Обозрение театров», «Литературная газета», «Биржевые ведомости», на карточках перечислены все расписанные номера за определенные годы, приведены планы на дальнейшую роспись. Даже если из издания была взята лишь одна заметка, театровед фиксировал источник в своей картотеке, указывая все библиографические данные публикации.

Такое подробное перечисление источников не только помогает четко представить себе охват материала, отраженного в картотеке, но и, безусловно, может служить основой для изучения методологического подхода к работе с информацией. Понимая всю значимость этого материала, мы провели бережную редакцию этого раздела: нами устранены незначительные алфавитные заставки, написаны новые разделители.

Картотека включает в себя два раздела, названные сотрудниками библиотеки «Персоналия» и «Систематика», по аналогии со структурой картотек библиографического отдела.

Раздел «Персоналия» занимает 39 ящиков (приблизительно 39 тысяч карточек). Здесь представлена собранная Золотницким и расположенная в алфавите фамилий информация и библиография о деятелях культуры и искусства в основном конца XIX – середины XX вв. Некоторые персоны, особенно интересные ученому, отражены наиболее полно. Столь подробно разработанные персоналии М. Е. Салтыкова-Щедрина¹², В. Э. Мейерхольда¹³, С. Э. Радлова¹⁴ формирова-

¹² *Золотницкий Д. И.* Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, 1826–1889. М.; Л., 1951; *Он же.* Щедрин-драматург. М.; Л., 1961.

¹³ *Золотницкий Д. И.* Мейерхольд: Роман с советской властью. М., 1999.

¹⁴ *Zolotnistky D. Sergei Radlov: The Shakespeare Fate of a Soviet Director.* [Luxembourg], 1995; *Золотницкий Д. И.* Сергей Радлов: Режиссура судьбы / РИИИ. СПб., 1999.

лись в ходе работы Золотницкого над монографиями о них. Каждая из посвященных этим деятелям персоналий занимает отдельный ящик картотеки. И хотя названия глав трудов о них не совпадают с рубриками на разделителях картотеки, прикнижная библиография, которой снабжены издания, полностью отражает материалы, вошедшие в разделы картотеки.

Примером подобной работы исследователя с источниками, касающимися конкретной персоны, может послужить персоналия «Радлов С. Э.». Она включает в себя полную библиографию трудов режиссера, биографические сведения о нем и его родственниках, о местах хранения архивных материалов. Подробно разработаны рубрики, посвященные театрам, в которых работал режиссер: карточки расставлены в хронологии сезонов театра, и в каждом выделены премьерные постановки. Большинство библиографических описаний снабжены фрагментами заинтересовавших Золотницкого статей. Напечатанные на машинке, а чаще написанные чернилами, мелким, убористым почерком ученого, они представляют собой прообраз нынешних полнотекстовых электронных документов, прикрепленных к библиографическому описанию.

Раздел «Систематика» занимает 57 ящиков (приблизительно 57 тысяч карточек).

В начале раздела по теории и истории театра и драмы, занимающего девять ящиков картотеки, Давид Иосифович собрал библиографию собственных трудов и рецензий на них, а также рецензии на работы своих близких – жены Веры Михайловны Красовской и дочери Татьяны Давидовны Золотницкой.

Особый интерес представляет раздел «Репертуар фарса», содержащий информацию о фарсах конца XIX – начала XX века. На карточках, расположенных в алфавите названий произведений, даются краткое содержание фарса, поставивший его театр, дата премьеры, список действующих лиц и исполнителей, источник информации. Эта фактографическая картотека легла в основу последней книги Д. И. Золотницкого «Фарс...

и что там еще? Театр фарса в России, 1893–1917»¹⁵, изданной Театральной библиотекой и Институтом истории искусств уже после смерти автора.

Основной массив материалов раздела «Систематика» составляет информация о театрах Санкт-Петербурга и Москвы. Занимаясь исследованиями истории театров миниатюр и театров Пролеткульта, Давид Иосифович с особой тщательностью собирал материалы о коллективах конца XIX века – 1930-х годов. Итогом этой работы стали сначала диссертация «Театральный Октябрь», а позже – монографии «Зори театрального Октября», «Будни и праздники театрального Октября», «Академические театры на путях Октября»¹⁶ и уже упомянутая книга об истории фарса в России.

Два крупных блока в разделе «Систематика» – «Театры Москвы» (23 ящика) и «Театры Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда» (25 ящиков) построены следующим образом: за разделителем с названием коллектива в хронологии расположены карточки с информацией о событиях в жизни театра и о его репертуаре. В случае необходимости Золотницкий на левосторонних разделителях указывал сезоны, на правосторонних – названия спектаклей, шедших в данном сезоне. Большинство библиографических описаний, так же как и в разделе «Персоналия», снабжены рукописными или машинописными фрагментами статей, заинтересовавшими исследователя.

Интересно, что в самом большом массиве «Александринский театр», занимающем пять ящиков, четыре

¹⁵ Золотницкий Д. И. Фарс... и что там еще?: Театр фарса в России, 1893–1917 / С.-Петерб. гос. Театр. б-ка; Рос. ин-т истории искусств. СПб., 2007.

¹⁶ Золотницкий Д. И. Театральный Октябрь: Программа и творчество: автореф. дис. ... д-ра иск. / Мин. культуры РСФСР. Л., 1975; Он же. Зори театрального Октября. Л., 1976; Он же. Будни и праздники театрального Октября / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. Л., 1978; Он же. Академические театры на путях Октября / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. Л., 1982.

ящика отведены рабочей картотеке театроведа Татьяны Давидовны Золотницкой (1946–2000). Карточки, написанные ее рукой, охватывают первую половину XIX века, период более ранний, чем тот, которому посвящена вся картотека. Эти материалы легли в основу большинства работ дочери Д. И. Золотницкого¹⁷. Принцип отражения информации в этой картотеке соответствует манере работы с источниками отца Татьяны Давидовны: на карточках кроме описания источника приведены и фрагменты статей. Структура же этой части картотеки требует дальнейшего изучения.

Работу с блоком «Театры Москвы и Санкт-Петербурга» значительно облегчает созданный в 2013 году сотрудниками Отдела справочной и научной библиографии Алфавитно-предметный указатель к подразделу «Систематика». Карточки в указателе, расположенные в алфавите названий театров, учитывают все разночтения названий коллективов и дают ссылку на ящик картотеки.

За рамками книг И. Д. Золотницкого осталась огромная выполненная с высоким профессионализмом и любовью предварительная работа, которой ученый занимался долгие годы. Исследователь, обратившийся к картотеке Д. И. Золотницкого, сможет найти в ней разнообразную информацию: о составе труппы театра, его репертуаре, премьерях и возобновлениях, создателях спектакля, гастролях и других подробностях театральной жизни.

¹⁷ Золотницкая Т. Д. Фанни Снеткова: «Царица грез театрального Петербурга». Л., 1973; *Она же*. Александр Евстафьевич Мартынов: Биография отдельного лица. Л., 1988; *Она же*. И. Е. Чернышев – актер и драматург (1834–1863): автореф. дис. ... д-ра иск. / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. Л., 1976.

Д. И. ЗОЛОТНИЦКИЙ – ФРОНТОВОЙ ПИСАТЕЛЬ

Д. И. Золотницкий и Гуннар Якобсен. 2003 г.

Золотницкий Д. И.

БЫВАЛАЯ ЮНОСТЬ

Рассказы о юных защитниках Ленинграда

Что им, смелым, выпало на долю
В двадцать, двадцать пять веселых лет...

А. А. Прокофьев

Друзья

Горячая жизнь

Бывалая юность

В горящем танке

Звезда Славы

Письмо

Тропа разведчика

I. Моцарт

II. Граница

III. Сисхли

IV. Белой ночью

V. Тропа разведчика

Возвращение

Стихи

Ночью

Лейтенант

Весна

Друзья

Два радиста, ефрейтор Урусов и рядовой Кулаков, сидели у окна в тесной комнате покинутой крестьянской избы. Деревенька пока еще была в тылу немцев. Комсомольцы пробрались сюда лесными тропами, с рацией за плечами, гранатами у пояса. Бои шли неподалеку, их отголоски все приближались к деревне, пули свистели, пролетая возле окна. У самой околицы залетная пуля сильно ранила Урусова. Он потерял много крови, и Кулаков на себе втащил его в эту избу.

– Сейчас, сейчас, Ибрагим, – осторожно наматывая бинт, приговаривал Кулаков сквозь зубы: в них он зажал булавку.

Урусов крепился. Он сидел на столе, перекинув гимнастерку через голову, и смотрел в окно черными без блеска глазами.

Вдруг глаза загорелись на его лице, всегда таком смуглом, налитом, а сейчас бледном и будто исхудавшем.

– Ты погляди, погляди-ка сюда! – негромко вскричал он, мотнув подбородок в сторону улицы.

Через плечо друга Кулаков увидел группу немцев, направляющихся к дому.

– Эх! – Кулаков до боли прикусил губу, так, что погнулась булавка. Он быстро закончил бинтовать, сколол концы, поминутно бросая взгляды на подворье, на приближающихся немцев.

Шагнул было к рации, да остановился, махнув рукой. Ведь приказа отходить не было. Не было и не будет.

Капельки холодного пота выступили на лбу Кулакова. Конечно, он примет бой, если войдут немцы. Автомат с двумя дисками под рукой, запалы в гранатах.

Кулаков озабоченно взглянул на Урусова. Ефрейтор сидел к нему спиной, бугры бинтов топорщили гимнастерку. Молча, не отрываясь, Ибрагим смотрел в окно, сжимая в руке лимонку с торчащим кольцом. Видно, он готовился дорого продать свою жизнь.

Что ж, оба они сумеют достойно встретить врага. Они солдаты. Они сумеют с честью принять смерть в бою, коли придется. Но только до чего жить охота, сейчас вот, когда победа приближается исполинскими шагами, когда так близка она!

Нельзя, чтобы немец взял верх даже на этом крохотном участке фронта, который держат оба они, Кулаков и Урусов, комсомольцы.

Решение пришло Кулакову вдруг. Он сгреб рацию, метнулся в сени, сунул ее в грудь барахла. Потом быстро вернулся к товарищу:

– Слезай, Ибрагим, укройся за печкой.

– Ничего, Гаврик, я тут... – не оборачиваясь, протянул Урусов. Силы оставляли его, и он не хотел шевелиться, чтобы не упасть с подоконника.

Кулаков схватил его, натужно дыша, отнес в сенцы, завалил мешками и каким-то тряпьем.

– Чтоб не трепыхаться у меня! – отрубил он тоном, не допускавшим возражений. Как всегда перед встречей с немцами, он был сейчас зол и угрюм. И хотя не до объяснений было, помолчал и добавил помягче: – Придут наши, вызволят, рацию прихватишь, тут она, вместе.

Он вбежал в комнату, плотно прикрыл дверь за собой, стал в углу, напряженный, собранный к бою. Скинул с плеч полушубок. На гимнастерке сверкнул орден Красной Звезды – память прежних боев.

Томительно тянулись секунды.

Но вот загремело, затопотало в сенях. Немец опасно приоткрыл дверь и сразу упал, сраженный ножом. Потом в дверях показались трое. Кулаков вскинул автомат, дал длинную очередь. Немцы отхлынули, и тогда сквозь раскрытую дверь в самую их гущу полетела граната.

Больше немцы в дом не лезли. Они залегли где-то вблизи и били из автоматов. Пули стучали по стене.

Потянуло едким, горьким дымом. Кулакову почудился запах гари.

– Подождли, сволочи!.. – сквозь зубы сказал он.

Густой дым ваил в разбитые окна. Все труднее становилось дышать. Только почему-то стрельба теперь слышалась совсем в другой стороне, а немцы перестали бить по домику.

В это мгновение Кулаков где-то близко услышал перекаты победного русского «ура!».

Наш батальон ворвался в деревню.

В горячке боя Кулаков позабыл про Урусова. А тот, собрав остатки сил, выполз из своего укрытия, едва немцы бежали из сеней, и вызвал на подмогу боевых друзей.

Свечерело. Кулаков сидел за рацией и выстукивал в морзянке донесение в штаб. Урусова уже отправили в санбат. Кто-то из бойцов вздумал пересчитать убитых Кулаковым немцев. Но они валялись вперемешку с другими, рыженькими: деревню брали штурмом.

Январь 1944.

Гатчина

Горячая жизнь

Он толкнул дверь и вбежал в сенцы. Семь часов утра. А родной дом непривычно тих и пустынен. Никого нет на кухне. Он робко ступил на чистую половину.

– Неужто после немца?..

Сердце захолонуло. Тяжело стучало в висках.

– Ваня!

Он обернулся. Люся, меньшая сестренка, порывисто бросилась к нему на шею, потом, тихонько взвизгивая, опрометью выскочила из избы. Прибежала мать, голося, прижала его к груди. Сроду не видал Иван Коновалов отцовых слез, а ныне и отец по-стариковски всплакнул, дал волю радости. Да, это была настоящая, пьянящая радость после полутора лет разлуки. Сыну радостно было, что старики уцелели, успели-таки вовремя убраться от немцев. Только морщин прибавилось у обоих, да мать будто меньше ростом стала. Отец смотрел мокрыми глазами на золотые нашивки рядом с орденом Красной Звезды и украдкой переводил

взгляд на изуродованное разрывной немецкой пулей юное открытое лицо. Рваный шрам на подбородке, металлический блеск зубов под прямой губой.

– Сынок... сынок на побывку приехал!

Под вечер родня набежала, дружки и подружки. Приехал председатель Ильинского сельсовета Михаил Иванович Иванов, председатель колхоза Николай Герасимович Герасимов. Все были рады встретить новый, сорок третий год с земляком-героем, и каждому был рад Иван Коновалов. Одно омрачало торжество: не видать было Нины Серовой, милой девушки, голубоглазой хохотушки. «Немцы», – понял Иван и прикусил израненную губу.

Когда стрелки слились вверху циферблата, председатель сельсовета поднял стакан и сказал:

– Выпьем, друзья, за Новый год, за героическую Красную Армию, что освободила наш Тихвинский район, за земляка и защитника нашего – Ивана Александровича.

Ваня пил и, улыбаясь, слушал рассказы односельчан, как удирали из Халезова немцы, как возрождался родной колхоз, где прежде знатно работал и он. Потом пришлось рассказать и про себя. Прихлебнул и начал не торопясь.

– Жизнь наша солдатская известно какая. Обыкновенная жизнь. Но, если посмотреть на боевую нашу жизнь глубже, вот хотя на мою специальность разведчика – самое разлюбленное это дело. Потрогаешь эту жизнь пальцем – жжет, горяча! Понюхаешь – порохом пахнет.

В артиллерии служил я связистом. Занятие, слов нет, серьезное, да только своей рукой охота было Фрицу загривок прощупать. А тут слух у нас прошел – пехота почем зря «языков», пленных то есть, добывает. Тогда еще, поначалу, дело это было новое на нашем участке фронта. запала в голову думка – как бы и нам такое учудить. Сходил я к пехотинцам посоветоваться, вижу: подходящее дело, в аккурат по мне. И вот стоим мы впятером перед командиром батареи, – так, мол, и так, дозвоьте и нам за «языком» обернуться.

Говорю я это убедительно так комбату, а про себя думаю: Ох, не пустит он нас. В самом деле, товарищи, невтерпеж было. Больно уж охота было за Фрицами слазить.

Нет, представьте, ничего, разрешил командир. Улыбнулся даже видя наши задумчивые личности, и сказал:

– Обмозгуем это дело, дам помощь, и отправляйтесь.

Теперь слушайте, как это получилось. Переходим мы впятером замерзшую речку, с нами два сапера. На том берегу немцы. Ползем лощинкой. Слева два дзота пулеметы выставили. Справа деревня, в ней Фрицы дрыхают. Саперы тропку торят в минном поле. Хорошие ребята. Боевые. Как лог миновали, мы их оставили тут покуда. А сами задами к околице. Темень – глаз выколи, а тут еще пакостный такой снег падает, Погодка – что надо. Я осторожно бреду в этой темени, за мной ребята поспевают. И в пяти шагах нарываемся мы на Фрица. В плащпалатку закутался, длинная такая оглобля, спиной к нам – дзот охраняет. Не полезный наш русский климат Фрицу.

Лежу, смекаю, в голове разные мысли прохаживаются. Ну, думаю, Ваня, теперь держись! Теперь, Ваня, выпала тебе полная возможность прощупать Фрицу загривок. Но только действуй в строгом рассуждении порядка, чтобы тарарам раньше времени не наделать и Фрица особо не повредить. О вас еще вспомнил, мамаша Екатерина Федоровна. Может, думаю, немец на Тихвинщине сейчас кровь льет русскую, может вас, мамаша, тревожит или родню нашу. И как подумал...

Вот послушайте, что дальше вышло. Пулемет из немецкого дзота пустил очередь, я под шумок скок, Фрица за лапы, ребята угол плащ-палатки ему в глотку запихивают.

– Будет, – говорю, – ребята, изнуряться! Всю палатку не пихать! Зазор для воздуха нужен. Чтобы доставить в лучшем виде.

Поволокли его, а я на прощание противотанковую гранату в дверь дзота метнул. Не оставлять же объект! Немец оттуда пулей вылетел – встал обомлевши.

И вдруг замахивается на меня гранатой. Я – бряк на-земь и делаю убитый вид. А потом в него, извиняюсь, противотанковую.

Конец Фрицу! Подобрал я каску и своим ходом до наших. Тут только и свалился, вижу: нога в двух местах осколками пробита.

Булькает в манерке водка. Старшина с двумя медалями на груди, подносит Коновалову новогоднюю чарку.

– Так я и встретил прошлый год дома, еду из госпиталя на Ленинградский фронт, – говорит Иван Коновалов. – Не вышло, тогда рассказать родным, как еще трех «языков» словил, как орден Славы получил в награду и именные часы, как в партию приняли. Ну, да что из того! Сорок пятый обязательно дома встретим – совсем уже, с победой. Там и рассказ подлиннее заведется. Так выпьем, друзья, за наступающий сорок четвертый год – чтоб был он годом гибели поганой немчуры и годом полной нашей победы. За Россию выпьем – чтоб новой красой засияла она, родимая, кровью омытая. И, обратно, за жизнь нашу солдатскую, разлюбезное дело!

Бывалая юность

Что им, смелым, выпало на долю
В двадцать, двадцать пять веселых лет.

А. А. Прокофьев

С утра стало известно: освобождено от немцев село Осипенко – родина лейтенанта Щербака. Весельчак командир огневого взвода гоголем ходил по батарее. И когда мастер прямой наводки сержант Полчанинов выкатил свою пушку и с открытой позиции очень быстро расстрелял один за другим три немецких дзота – совсем легко и радостно стало на душе лейтенанта. Он сидел в землянке, писал первую открытку домой, оборонив невзначай несколько слов о сегодняшнем «салюте» по немцам.

Земля стонала от грохота лопающихся мин, зазубренные осколки жужжали над болотом. Третья, четвертая, пятая сотня немецких мин рвалась в расположении огневой. Когда от слишком уж близкого разрыва чернильница подпрыгивала на столе, Петр Щербак помахивал кулаком и чертыхался.

– Тьфу, бесноватые, – невозмутимо сплевывал комсорг батареи Федор Полчанинов. – Вишь, озлились.

В армии он служил шестой год и был почитаем за рассудительность и хладнокровие.

– Закурим, что ли? Немец огонька дает! – озорно прокричал Щербак, единственный курящий среди комсомольцев батареи.

В руках его появилась гармоника. Русский чуб свесился на лоб, папироска намокла в зубах, пальцы бойко перебирали лады.

С веселым блеском светлых глаз девятнадцатилетний лейтенант завел любимую песню. Играл он хорошо, с чувством. Комсорг Полчанинов сидел, слушал задумчиво и не замечал, что вместе со всеми подпевает:

Эх, как бы дожить бы
До свадьбы-женитьбы
И обнять любимую мою...

Пели, и каждому вспоминалось свое. Щербаку – родное село, где он, молодцеватый моторист-испытатель, бывало, лихо парубковал на гулянках синими запорожскими вечерами. Полчанинову – станица Анапская, на Кубани. Там, в колхозе имени Кагановича, прежде работал он ветфельдшером, там еще томилась в немецкой неволе семидесятилетняя мать его Матрена Анисимовна.

Лейтенант отложил гармонь, задумался. Полчанинов тихонько притянул ее к себе. И вновь плыла над затихшей в сумерках батареей, над бурым изрытым полем полюбившаяся песня:

Со скорой победой
К тебе я приеду
На горячем боевом коне.

.-.-.-.-.

Прошла неделя. Каждую ночь они выкатывали свою 76-миллиметровую пушку поближе к немцам. Под покровом темноты оборудовали огневую, подтягивали боеприпасы. Все – бегом, все с полным напряжением сил. Ведь каждая минута на счету. К утру, когда затихла пулеметная перестрелка и в первых лучах холодного осеннего солнца смутно проступала опушка леса и вражеское предполье, отгороженное лесным завалом, – все было готово для стрельбы. Расчет подтаскивал пушку на поле. Федор Полчанинов подавал команду. Старший сержант Лука Северян наводил прямо на цель. А Петр Щербак на наблюдательном пункте корректировал огонь.

В это хмурое утро не узнать было Полчанинова. Куда девалась его сдержанность и невозмутимость! Он суетился у пушки, торопил товарищей пуце обычного, поминутно оглядываясь в сторону врага, где медленно таяла, расступалась туманная хмарь.

Еще бы! Вот настал праздник и на его, Полчанинова, улице. Вчера очищена от немцев Анапа, и комсорг сейчас салютует – освободителям родной стороны.

Щербак с КП трассирующими пулями направлял полет снаряда. Все спорится в расчете. Будто танцует у наводки Лука Северян, комсомолец с душой завязтого огневика. Под любым огнем не отойдет Северян от пушки, покуда не пошлет во врага все снаряды. Без лишних слов подбрасывает снаряд за снарядом заряжающий Родионов, с лихо закрученным черным усом. За ним ладно поспевают замковый Еленский и правильный Осетров – их движения точны, скупы, выверены.

Полуповаленная березка белела в заборе из хвороста – немцы наспех отгородились от нашего наблюдения. Ее-то и заметил Полчанинов, и послал туда первый зажигательный снаряд. Черный дым за клубил над забором, и сразу сухой валежник вспыхнул, как порох.

В просвете Полчанинов заметил теперь немецкую кухню. Тусклый пар струился из котла.

– Давай! Давай, не скупись! – подбодрял Полчанинов наводчика.

Полчанинов видел, как два Фрица подбежали туда, где только что была кухня, остановились, покачали головами, – но тут слово взяли соседи-минометчики и очень точно накрыли обоих гитлеровцев.

Помаленьку начали отвечать немецкие орудия.

Щербак со своего КП заметил, как Полчанинов выскочил с биноклем на бугор: оттуда виднее наши разрывы. Лейтенант бросился к нему, размахивая кулаками.

– Куда, к чертовой матери, забрался!..

Вражеский снаряд разорвался в десятке метров. Опрокинутые взрывной волной, оба упали, и сразу вскочили на ноги, почерневшие от пороховой копоти, но невредимые.

– Куда вылез? – Одурел, что ли?

– А сам?

Вражеский забор пылал до вечера.

Именинником чувствовал себя Федор Полчанинов из станицы Анапской.

Далеко позади заснеженная гряда Пулковских высот, вся в морщинистых разлетах траншей и черных оспинах воронок. Уже в десятках переходов – Ленинград, успевший за год стать родным, близким. Вехами крутых подъемов и поворотов измерена торная дорога наступления.

Сумерки застигли артиллеристов в деревне. Привольно раскинувшись вдоль большака, некогда шумливая и говорливая, она стояла теперь в летучем облаке гари, пустынная, безлюдная, словно вымершая.

Укутавшись полущубком, Полчанинов лежал в комнате, на тех же нарах, где еще вчера металась в тяжелом, тревожном забытьи немцы. «Для скольких эта ночь обернулась последней», – безучастная шевельнулась мысль. Голова Полчанинова была забинтована и туго повязана трофейным клетчатым платком, ушастый узел смешным лопухом торчал на макушке, тронутая осколком щека припухла и потихоньку зудела. Невидимая во тьме гармоника Щербака разливала над притихшей деревней певучие, мечтательные звуки. Песня разрасталась, ширилась, казалось, не было кон-

ца ей и края, милой мелодии родных полей... Полчанинов лежал задумчивый и строгий, в памяти теснились обрывки минувшего боя...

Вот оно, неприветное нынешнее утро. Пехота готовилась к броску, и расчет Полчанинова раньше всех на батарее выкатил свое орудие прямой наводки.

Первый выстрел... В минуты перед боем только о нем все мысли командира орудия, а с ним – каждого истинного огневика. Только б побыстрее достичь рубежа, только б не выдать себя прежде времени, только б опередить, провести врага, открыть огонь хоть секундой да раньше его!

В расчете старшего сержанта Федора Полчанинова не было бойца, который не разделял бы со своим командиром этого скрытого волнения охотника, идущего на матерого зверя. Оттого пружинили мускулы, и горячая кровь ударяла в висок, а ноги будто вовсе не чувяли земли, в которую упирались. Натужно дыша, мокрые от пота, огневики толкали пушку, подхватывали ее за колеса, на руках перебрасывали через канавки, тянули вперед. Ветер бил сбоку, кусты хватали за полы, камни прыгали под ногами, и деревня, где засели немцы, казалось, плыла навстречу.

И вот он, наконец, – первый выстрел.

– Разжигаем, Петя! – крикнул Полчанинов наводчику Сорокину.

Видно было, как снаряд, посланный их пушкой, поднял в воздух обломки немецкого пулемета. Сразу спокойно стало на душе.

– Сыпь, Семеновна! Подсыпай, Семеновна! – подмигнул Полчанинов Сорокину, и светлые глаза смеялись на его суровом лице.

Теперь, когда отзвучал первый выстрел, дело шло гладко. Выстрелы раздавались через одинаково короткие промежутки времени. Полчанинов весь ушел в наблюдение. Ведь огонь ведется прямой наводкой; тут малейшая неточность целеуказания бывает губительна.

А когда поднялись в атаку наши стрелки, орудие Полчанинова вновь двинулось во главе батареи и

вновь огневики возбужденно готовили свой первый выстрел по новой цели.

Невесть откуда по орудийному щитку забарабанили, защелкали немецкие пули. Уже зияли пробоины в бронированном заслоне, пули свистели над головой, пролетали мимо ушей. Упал, схватившись за перебитое плечо наводчик Сорокин, рядышком ткнулся вниз лицом подносчик Денисов. Что-то горячее и острое полоснуло щеку Полчанинова.

– В укрытие! – скомандовал он, прыгая в придорожный кювет.

Пули косым дождем хлестали проселок, земля курилась, будто прожженная каленым свинцом, кровь сочилась из глубокой ссадины на щеке, но Полчанинов не ощущал боли, не замечал пуль. Взор его блуждал по околице. Наметанный ли глаз, привычный ли слух, чутье ли бывалого артиллериста подсказывали Полчанинову, что пулемет стоит вон там, на отшибе, в амбарушке, только он, остановившись взглядом, не отводил глаз до тех пор, пока не увидел подносчика, метнувшегося к воротам амбара.

– По местам! – задыхаясь от нетерпения, приказал тогда Полчанинов и сам бросился к панораме. Комсомолец Яков Мошкович установил правило, Емлевский подбросил снаряд, и не успели немцы перезарядить ленту, как фугас продырявил бревенчатую стену и разорвался внутри амбара.

Полчанинов не скупился. Для верности направил еще пяток снарядов. Он хотел сполна расквитаться за кровь товарищей, за свою рану...

...Над деревней все еще плыли певучие взлеты гармоники.

– Зарапина! – неожиданно вслух произнес Полчанинов, повернулся на другой бок, и чуткий тревожный фронтовой сон забрал его в свои цепкие объятия.

Идут дни. По-прежнему вечерами берет гармонику лейтенант Щербак, заводит любимую песню, и комсорг Полчанинов вполголоса подтягивает... По-прежнему каждый думает о своем, думает о том, как приблизить победу. На груди Щербака сверкает орден Отечествен-

ной Войны. Полчанинов тоже кавалер этого ордена, и еще – ордена солдатской Славы.

В горящем танке

Лето пришло в мглистых облаках пыли, с отвесными лучами солнца над бурной порослью трав, у танковых засад. Запоздалое, оно сразу и властно вступило в свои права, и ночи стояли томительно-душные, будто и в короткие часы последних безлунных ночей солнце требовательно наверстывало упущенное.

Утро настало вдруг. Багряный диск выплыл из-за остроконечных фабричных труб и заторопился в ослепительно-синий косогор неба.

Вооружась тряпками и жестянками, Зверев хлопотал у бензобака, когда раздалась команда:

– По местам!

Тотчас многогласно и раскатисто заговорила наша артиллерия. В короткие промежутки между орудийными залпами издалека, с переднего края, доносился разнобой пулеметных очередей.

Зверев привычно скользнул в люк радиста. Рывкнул мотор, отфыркнулся бензиновой гарью, заскрежетали гусеницы. Тяжелый танк «КВ», надсадисто погромыхая, выкарабкался из укрытия, покачнулся на гребне окопчика и уверенно помчался наискосок по зеленому скату лощины.

Встречные бойцы приветственно помахали руками, дружинницы, откинув брезентовый полог своей землянки, выходили и ласковыми глазами проводили тонущий в тяжелых тучах пыли танковый батальон. Они видели, как гигантские стальные ящеры миновали лощину, перевалили через гребень высотки и, с десантом автоматчиков на могучих бортах, ворвались за околицу.

Свою машину Зверев вел окраинной дорогой. Внезапно, откуда ни возьмись, застрочил в лоб, как в дверь застучал, немецкий крупнокалиберный пулемет. Автоматчики укрылись за башней, и на третьей передаче Зверев повел танк прямо на вражескую пулеметную

точку, разбрасывая комья земли, взметая сизую пыльную пелену. Фашисты оставили пулемет и опрометью кинулись к землянке. Но разве сыщется укрытие от немолимых гусениц!

Сосредоточенно, будто на уборочной в колхозе, Зверев правил машиной. Наехал. Осадил танк назад. Развернулся на блиндаже, равняя его с землей, и с грохотом двинулся дальше, подминая вражеские землянки, искусно маневрируя под огнем противотанковых пушек. Плавно, как по равнине, идет тяжелая машина, сплющивая все, что встретится на пути.

И неожиданно танк вышел из повиновения.

– Лопнула гусеница, – понял Зверев. – Ну и положение!..

Кандидаты на утюжку, немцы в ближней землянке обрадованно заметались.

– Панцирь – капут! – донеслись их гортанные выкрики.

У танка стали рваться вражеские гранаты.

Тогда застрочили наши автоматчики. Старший сержант Волков навел орудие на землянку. Он выпустил только один снаряд. Как ошпаренный, выскочил наружу единственный уцелевший офицер. Окруженный автоматчиками, он медленно поднял руки.

– Русс, я больше не воюю!

И покосился глазом на Зверева, высунувшегося из люка, смеющегося.

В сумерках, когда в поселке уже закрепились наши части, деловито пыхтя и разбрызгивая искры, подошел тягач, вытащил танк в укрытие. Танкисты по тракам надевали гусеницу на ведущее колесо. Починили – и снова в бой.

Грозно ощерясь стволами орудия и пулеметов, прорывая своим телом мощную огневую завесу, «КВ» шел укрепленным противотанковым районом врага. Наступили часы, когда успех танкистов зависел от смелости их маневра и точности их огня.

Невидимые фашистские пушки ожесточенно обстреливали танк.

– Тридцать метров назад! – приказывал старший лейтенант Нарков.

Машина отходила, поливала огнем удобные для засады уголки и упорно двигалась вперед. Уже начала сказываться усталость многочасового боя. Томила жажда. Как-то Зверев поймал себя на том, что дремлет, склоняясь над рычагами управления.

Вспомнился почему-то «Челябинец». Поплавком качается он на изжелта-золотистых лугах Смоленщины, ведя три лобогрейки на скрипучем своем поводе.

Душистыми охапками сена устан путь... Такой же, как и сегодня, немилосердный солнцепек...

– Запевай, что ли, Оленька! – хочется воскликнуть водителю танка. Как бывало, обернувшись к девушкам, хмельной от запахов горячего сена, кричал он эти слова, срывая порывисто кепку и подставляя лицо щедрым лучам.

Проворно сгребая вилами сено, Оля на передней косилке заводила тогда заносистые «страдания». Это про него пела она, про бригадира Саньку Зверева, складного двадцатилетнего паренька из Новоногинской МТС. А подруги в подоткнутых юбках подтягивали тоненькими голосами. На солнце мелькали их загорелые, веснушчатые лица, сверкали вилы в мускулистых руках...

Так было совсем еще недавно.

А нынче он, старший сержант Семен Афанасьевич Зверев, военной дорогой водит тяжелый танк «КВ». Много исхожено путей, много бито-передавлено немчуры...

– Эх, мазаная работа у машины! – Самое веселое дело!

Еще когда пацаном бегал до профтехнического училища, крепко полюбил ее Зверев. И еще полюбил армию. Любовь к армии пришла позднее, но такая, что, видно, на всю жизнь...

Зверев встряхнулся, протер слипающиеся глаза...

Один за другим три снаряда скользнули по броне, задев по касательной башню. От сильных ударов погас свет, исчезли в темноте приборы. Теперь не видно шкал, нельзя вести прицельный огонь.

– Выходить из боя?

Нет! Об этом танкисты не думали. Пока работает ходовая часть, пока есть боеприпасы, пока видят глаза – мять, душить врага тяжестью брони, испепелять его огнем, кромсать металлом!

Экипаж на ходу исправил повреждения. И вновь, лавируя под снарядами, танк появлялся в самых горячих местах, прокладывая путь пехоте, расстреливая орудия и пулеметы, вминал их в землю вместе с прислугой.

Но вот еще одно попадание в танк – на этот раз прямое. Продырявлена башня. Она охвачена пламенем, наполнилась едким дымом. В снарядных гильзах вспыхнул порох. Боезапасы могли взорваться с минуты на минуту. Огненные языки лизали спинку водителя сидения.

Было ли страшно Звереву в ту минуту? Как знать? Но Зверев переборол минутную растерянность.

– Беги к комбату, доложи и проси помощи! – натужно кашляя, крикнул он радисту и почти силой вытолкнул его наружу.

Пока радист Боровский катался по траве, сбивая пламя с гимнастерки, Зверев торопливо проверял механизмы управления. Нажал на рычаг. Танк развернулся и на предельной скорости помчался к нашему переднему краю.

Огонь подбирался все ближе к водителю. Начала тлеть промасленная роба на спине, занялась одежда на погибших в башне товарищах. Невыносимый жар заставил Зверева вплотную приникнуть к переднему люку.

– Если воздух будет поступать только спереди, если приток воздуха схлынет, – думал Зверев, – пламя будет отброшено к мотору, будет втягиваться в мотор. Тогда, пожалуй, можно успеть добраться.

Он приподнялся, потянулся сквозь огонь и захолопнул все люки. Теперь тонкая струя воздуха просачивалась лишь сквозь смотровую щель. Стало еще жарче. Духота сразу затуманила голову и, казалось, лишала последних сил. Но пламя сникло и понемногу начало отступать...

Пригнув голову, Боровский мчался к ложине. Пули верещали вокруг, они подгоняли радиста. Боровский задыхался, приближаясь к базе. Но ведь позади танк, терпящий бедствие, и товарищ, не вышедший из боя.

Боровский петлял и кидался из стороны в сторону под нарастающим гудением осколков, кричал и размахивал на бегу руками, завидев, наконец, базу и ремонтников. Сгрудясь, они молча глядели в его сторону. Нет, они смотрят не на него. Отчего никто на него не смотрит? Боровский обернулся.

«КВ», свой, сто шестой, с косо развевающимися огненными флагами на башне, вздрагивая всем телом и точно спотыкаясь, спускался в ложину.

С пятнами копоти на землистом лице Зверев высунулся из люка. Намокший русский клочок тяжело свисал, сливаясь с мертвенной белизной лба.

– Боеприпасы... – прохрипел водитель танка и упал на руки товарищей.

Комья земли летели в боевое отделение. Огонь задушен. Взрыв предотвращен.

И вот теперь, проверяя боевую готовность машины, только что вернувшейся из ремонта, Семен Зверев уважительно и любовно поглаживает рубцы и зазубрины на ее броне, бурые, с синеватым отливом.

– От каждого снаряда рубец, будто шрам на теле у человека. Но ничего, с этой машиной мы еще повоюем. Должен я за товарищей погибших рассчитаться... И за эти рубцы тоже...

Звезда Славы

Лес, лес кругом... Темным сплошняком обступил он болотную прогалину, бросая длинную и косую тень на ржавую, пожухлую осоку. Оловянной плашкой мерцала луна. В стылой воде отражались звезды, крупные, как кувшинки. Леонид Зубов увидел их тут, потом взглянул на звездное небо, проверяя дорогу. «Экая глухомань», – покачал он головой.

Стеганый ватник плотно облегал его широкие плечи и налитое тело. Размашисто, но неслышно шагая, он

нес в руке автомат. Так, бывало, лесовиком-охотником бродил он с централкой по чащобам Архангельщины, выслеживая всякую дичину. Лес он любил, как может любить человек свое детство и родные места, и были ему дебри родным домом. Он вжился в эту настороженную и потайную жизнь, знал следы и повадки обитателей леса и чтит первый их закон – тишину.

Выйдя на прогалину, Зубов замедлил шаг, потом круто свернул опять в лес, в обход трясины. Здесь он остановился и оглядел своих разведчиков.

Кто назвал многочасовой поиск разведки по вражеским тылам легкой прогулкой? Поиск, где на каждом шагу, быть может, таится засада, где малая неосторожность одного грозит гибелью всех, и где пустяк вдруг решает судьбу и успех.

Прошедшей ночью они перешли передний край. Рассвет застиг их на полпути. Четырнадцать часов они лежали неподвижно на пустынном болоте, мокрые, иззябшие, как могут лежать одни испытанные разведчики. И снова пошли в сумерках, согреваясь на быстром ходу.

– Тропка, ребята, – вполголоса произнес Зубов и кивнул в сторону чуть приметной стежки. Разведчики невольно подались вперед и застыли, всматриваясь в нее, убегающую вглубь леса. Тогда Зубов махнул рукой, и все исчезли в кустах.

Старая береза мутно белела, раскачивая свои ветки с облетевшей листвой. Мягко ступая, Зубов вышел к ней. Здесь, где тропка сворачивала в лесную чащу, он увидел красную тугую струну телефона. Решение пришло сразу. Зубов вынул из чехла финский нож, попробовал на ладони, нагнулся и, притиснув кабель ногами, полоснул из-под низу. Две красные нитки, тонко змеясь, поползли от березы. Зубов схватил концы, натянул к ближним пенькам. Он прошел вперед еще с десятков шагов и, старательно ступая в прежний след, пятясь, вернулся к своим разведчикам.

– Без меня не стрелять, – приказал он и залег у тропки.

Теперь, когда силок был раскинут и дело наполовину сделано, осталось поджидать дичину.

И вот она показалась.

Лежа в своей низине, меж кустов, Зубов видел, как справа, с косогора, спускались в развалку немцы, восьмеро, один за другим. Их силуэты четко вырисовывались наверху, на фоне звездного неба. Немцы не торопились. Борясь с охватившим его вдруг нетерпением, Зубов до боли прикусил губу, потому что, не дойдя метров двадцати до него, немцы присели, закурили. Легкий ветер донес вместе с шорохами леса их приглушенный смех. «Ах, сволочи!» – выругался про себя Зубов. В сердцах он ругался длинно и замысловато. Наконец, немцы поднялись, побрели. Кровь стучала в висках разведчика, когда он медленно наводил свой автомат.

Вот первый немец поравнялся с ним, прошел, за ним – второй. Только тогда забился, заклокотал автомат в руках Зубова. Горячий ствол описал дугу от третьего немца до замыкающего, еще раз и еще. Длинная очередь в упор свалила всех шестерых. А Гусляков и Першин из группы захвата уже деловито хлопотали возле двух остолбенелых от ужаса «языков».

– Управилесь? – спросил товарищей Зубов и улыбнулся одними глазами. – Что ж, тогда пошли!

След в след возвращались прежним путем разведчики. Оба немца, фельдфебель и рядовой, покорно переступали негнущимися ногами и сразу убыстряли шаг, дрожая в своих френчиках, когда ефрейтор Молодцов находил нужным подогнать их.

Еще не рассвело, как достигли линии фронта. Тут, над опушкой бора, свечой взлетали ракеты, шагали немецкие патрули. Разведчики приникли к земле. «Языки», ощущая холодок лезвий, приставленных к горлу, тупо подчинялись всему.

Зубов приподнял голову. Мерно шагая, патрульные с обеих сторон шли прямо на него, повстречались, перекинулись двумя фразами и повернули назад.

Зубов первым ступил на нейтральную полосу. Путь свободен!

В ту ночь на счету старшины Леонида Зубова стало восемь захваченных им «языков».

Четыре орденовых звезды сверкают на груди отважного разведчика – звезды солдатской славы. Орден Красной Звезды. Ордена Славы второй и третьей степеней. Серебряная Звезда – орден, врученный правительством дружественных Соединенных Штатов в награду за рассказанный здесь подвиг.

*20 октября 1944 г.
Финляндия*

Письмо

ЭТО ЛИ не величайшее счастье!

«...Мой милый! Помни, что подруга ждет тебя с победой. Помни меня, а я тебя никогда не забуду. Твоя Лида».

Как это хорошо!

Николай Зубаха не замечал, что у него слегка дрожат руки и блестят глаза всякий раз, когда он достает этот листок из кармана. Коротенькое немудрящее письмо. Но сколько светлой радости принесло оно, сколько воспоминаний и надежд возбудило!

Она стояла перед глазами, Лида Цветкова, милая девочка, резвая хохотушка, как тогда, на перроне, с шляпкой в руке, с развевающимися по ветру льняными кудряшками. Она нарочно смеялась и шутила, даже больше, чем всегда, в тот нелегкий час расставания. Серые глазенки щурились на ее припухлом матовом, совсем еще детском лице. Они веселились, как школьники, и ни один не хотел отстать от другого. Ей был только шестнадцать лет, он – всего-то на два года старше. Кончится война, и они поженятся. Так обещала она, Лида.

«...Помни, что у тебя есть подруга жизни...».

Николай бережно спрятал листок, трепещущий в легких порывах бриза. Подперев голову руками, в раздумьях, невидящим взглядом смотрел на пенные волны. Взрезанные быстроходным катером, они раз-

бегались по сторонам. Мерно рокотал мотор. Вздрагивая, вращались широкие лопасти винта. Водоворот кипел и клокотал за кормой.

Все резче проступала сквозь рассветную дымку узкая полоска суши. Вражеский берег надвигался на десантников.

ТУМАННЫМ УТРОМ Николай и его товарищи высадились на песчаной отмели. Рассыпавшись цепью, с автоматами наизготовку, они шли вглубь вражеского расположения. Куда ни кинешь взор, повсюду нагромождения валунов, отполированных когда-то морским прибоем и уже выветрившихся, поросших болотной плесенью. Меж камней – дикие побегии можжевельника, подернутые сверкающими капельками росы, заросли кустарника, мелкоколесье.

Тихо было здесь и пустынно. Лишь время от времени где-то глухо пощелкивали автоматы, и тогда залетная пуля тонко тенькала над головой.

Обманчив покой войны. Взвод вышел на проталину, и разом волна минометных разрывов вспорола тишину.

– Так вот она, вражеская оборона!

Перебегая за валунами, Зубаха вырвался из-под огня.

– Пошли, хлопцы! За мной!

Он бежал впереди, строча из автомата, и сухой песок скрипел под его сапогами. Он чувствовал ровное дыхание друзей, слышал дробный топот десятков ног.

За высоким остроконечным камнем Николай увидел врага. Перекатывая пулемет то по левую, то по правую грань валуна, солдат торопливо и беспорядочно стрелял, стараясь, видно, наделать как можно больше шума. Николай быстро пополз меж камней – в обход. Он уже видел лицо пулеметчика – бледное, перекошенное, мокрое, с перекошенными выпученными глазами и закушенной губой. Николаю стало не по себе. Это было какое-то наваждение. Он еще никогда не встречал такой отвратительной рожи. Почти невольным движением Николай метнул две гранаты – так, не задумываясь, раздавил бы он зловерное насекомое.

С внезапно нахлынувшей радостью перепрыгнул через исковерканный пулемет и помчался вдогонку товарищам.

ТРОПКА НЕСЛАСЬ ПО ЛЕСУ и шумливый говор леса в макушках сосен заглушал звуки боя. Перестрелка шла где-то рядом, а казалась она отдаленной.

– Только б не отстать, поспеть! – думал Николай, вглядываясь в причудливые очертания лесной чащобы.

Но поспеть туда ему не пришлось.

С десяток гитлеровцев выскочило из-за деревьев.

– Сдавайся! – крикнул один по-русски и поманил рукой.

Николай отпрянул, укрылся за разлапистой елью. Вскинул автомат послал длинную очередь. Тот, кто предлагал сдаться и еще двое взмахнули последний раз руками и запрокинулись навзничь.

Тотчас отовсюду протяжно засвистели пули. Что-то горячее пробило ему грудь. Николай упал. Алая струйка толчками сбегала с уголка побелевших губ. «Возвращайся на родину с победой», – вспомнилось ему ласковое письмо.

И тогда пришла ярость, буйная солдатская ярость, а с ней – невиданные, нечеловеческие силы. Николай приподнялся на колени. Потом встал в рост. Кровь залила лицо, он оперся о сосну, тяжело вздохнул.

– Сдаться? – глухо сказал он и натужно закашлял.

– Сдаться, говорите вы, гады! Нет, я не сдамся, пока жив.

Его автомат срезал подкравшегося гитлеровца.

– Это – за тебя, Лидуся! – кричал он хриплым шепотом.

– За тебя, любимая!

Он стрелял, не скрываясь от вражеских пуль, пока одна из них не свалила его опять.

А когда боевые друзья пришли на отзвуки перестрелки, Николай Зубаха был мертв.

В кармане гимнастерки они нашли маленькую книжку с силуэтом Ильича на обложке цвета стали.

– Комсомольский билет номер 19892663, – прочитал кто-то вполголоса.

Кружась, выпал сбереженный тут листок бумаги и девичья простая фотография.

То была память хохотушки Лиды Цветковой, обыкновенной девушки, вдохновившей солдата на подвиг.

Тропа разведчика

I. Моцарт

Круглый маленький человечек со взбитым русым хохолком вкатился в залу, где сидели, покуривая, новобранцы. Был он с брюшком, с пухлыми губами, с округлым взмахом коротких рук, и походка была у него плавная, размеренная. А лицо такое, про какое сказано, что нос на нем кричит: «Караул, щеки задавили!». Все оно, гладкое, розовое, сияло незамутненным весельем и приветливостью. Взглянув на человечка краешком черных глаз, Ваню дружелюбно улыбнулся. И все улыбались рядом с ним. Круглый человечек каждому впускал расположение.

– «Покупатель» явился, – сообщил сосед.

Ваню не понял толком, что это за покупатель такой и в каком товаре нуждается. Он не отрывал глаз от подвижного, как ртуть, человечка.

А тот бойко перебегал от одного к другому и деловито выспрашивал тонким фальцетом:

– Музыкант? В оркестр пойдешь?

Отрицательно покачивая головами, смешливые новобранцы смотрели ему вслед.

– На альте играю, – ответил Ваню, когда «покупатель» бочком подкатился к нему.

– Вот как? – удивился и обрадовался сразу человек. И проворно записал у себя в книжечке: «Ваню Гзиришвили. Альтист».

Разные люди, они, как это часто бывает в армии, сразу сделались настоящими друзьями.

Случалось, на первых порах Ваню, нет-нет, – взгрустнет, задумается.

– Не журишь, хлопец, – уговаривал его новый друг, капельмейстер, которого все почему-то звали «Моцартом». И спешил развеселить Ваню смешными рассказами о великих музыкантах. Они словно все были его закадычными друзьям – так хорошо знал он подробности их жизни.

И все-таки бесконечные хроматические гаммы и ганоны, которые Ваню долгими утрами выдувал из медной пасты своего инструмента, частенько вгоняли его в такую тоску, что он ничего не мог поделать с собой в эти минуты. Нет, не то он искал в армии, не то.

Правда, Ваню совсем преображался, когда прохладными летними вечерами в тесной оркестровой раковине городского сада Раввы Русской они давали концерты. Кругленький капельмейстер «Моцарт», кончив раскланиваться с многочисленными знакомыми, плавно взмахивал короткой неутомимой рукой. Временами он задорно подмигивал Ваню, чтобы надбавить огоньку в «Приглашении к танцам», или томно склонял к плечу свой хохолок, когда в увертюре к «Похищению из сераля» проходила грустная минорная тема разлуки Констанции и Бельмонта.

В такие минуты Ваню с нежностью вспоминал свою ряженькую подружку Нину Раквиашвили, изумрудные виноградники родной Гурджани, колхозные сады горной долины. Ваню любил музыку – волны созвучий будоражили, обжигали его. Часами он готов был слушать рассказы о великих людях музыки, об их исканиях, об их настойчивости в достижении цели.

– Разум и сердце, единые в достижении цели, не знают преград и уступов, – говаривал бессмертный Вольфганг. Запомни эти слова, Ваню. Они подскажут тебе решение в трудную минуту.

Ваню дорожил этими беседами. Но прошло три месяца, и ему уже не сиделось в низкой досчатой раковине. Ему претила эта праздная, пестрая толпа завсегдаев городского сада. Ведь прежде всего он был солдат, и он искал настоящего дела. В Польшу он приехал на готовенькое, но зато Финляндию тогда еще потрясали огненные смерчи войны...

Вано пришел с рапортом в штаб.

– Пошлите добровольцем, – просительно проговорил он. Слова выговаривались гортанные, неломкие. Вано волновался.

Его не пустили в Финляндию.

– Пока и без вас обойдутся, – вежливо ответили ему.

Однако перейти в строй разрешили. Вано стал пулеметчиком.

А в воздухе уже носились предвестники новых военных гроз.

Здесь, под Перемышлем, принял Вано первый удар врага.

II. Граница

Тусклый рассвет гнал короткую летнюю ночь.

Зябко кутаясь в шинель, Вано шагал вдоль узкой траншеи. Двадцать шагов вперед, двадцать шагов обратно.

– Бррр...– Вано поежился. Холодно здесь сыну знойной Гурджани. Он присел на ящик из-под гранат, поставил меж колен тяжелую самозарядную винтовку, свернул козью ножку. Задымил украдкой и снова зашагал, пряча самокрутку в широком рукаве. Сонное оцепенение ночи в передовом дозоре помаленьку сходило с него.

Восходящее солнце роняло косые блики на переплеты новенькой колючей проволоки, которую еще не тронула ржавчина, на заболоченный берег Сана и на крутой противоположный скат. Вано глянул туда, подставляя смуглое лицо скупым утренним лучам. Все как будто спокойно там, в немецкой стороне...

Двадцать шагов вперед, двадцать шагов обратно...

Нет, никогда не забудется утро это, утро 22 июня 1941 года, которое началось так обыкновенно, по-всегодашнему.

Рой цветистых ракет рассыпался в посветлевшем небе. И сразу надсадисто загромыкала артиллерия на том берегу. У окопов и среди проволоки со стоном и дымом взметнулись гребни взрывов.

Вано опомнился от страха и неожиданности через добрый десяток минут, на дне окопа; он лежал, укрыв голову полрой шинели, без мысли, без желания. Вано нашел в себе силы улыбнуться от неловкости и от той неосознанной еще радости, что он цел, что снаряды ему тут, в земле, не опасны. Полтора часа тянулась артиллерийская подготовка. За это время, долгое, как пробежавшая вечность, он обтерпелся, пообвык. И когда, шумно рокоча моторами, в потемневшем вдруг небе проплыли на восток грузные юнкерсы, Вано проводил свинцовую тучу горящим взглядом, полным гнева, скорби и вызова. Он торопил события, он нетерпеливо ждал врага.

Медленно перевалили через бугор приземистые танкетки с черными крестами на оливковых бортах.

– Ала-ла-л! – подбадривали себя неистовыми выкриками солдаты в касках, в зеленых пятнистых балахонах, с автоматами у брюха. Они шли мерным шагом, не поднимая головы и не оглядываясь. Злорадное солнце слепило и жалило чужеземцев. Поодаль, на том берегу Вано различил вторую цепочку немцев. Те были в мундирах.

Звякали затворами товарищи, дробно частили выстрелы. Кисловатая терпкая пороховая гарь стлалась по-над раскаленным окопом. Целей было много, и Вано молча стрелял, не отдавая ни одной предпочтения. Когда перегнулся пополам и упал первый убитый им немец, Вано хмуро улыбнулся. В черных глазах его под черными дугами бровей плясали светлые огоньки. Он был весь во власти ожесточения. Теперь он уже не мог оторваться от прицела. Все так же молча, не разжимая стиснутых губ, не отводя прищуренных глаз, он ушел в бранный свой труд.

Немцы подходили ближе, их цепи редели, но они подходили.

Дымилась танкетки, подбитые нашими артиллеристами, потом уцелевшие одна за другой повернули назад и скрылись, а ряды автоматчиков в жабьих балахонах все приближались. Вот до них уже триста метров.

И тогда прозвучал сигнал нашей контратаки.

– Вперед, молодцы! – крикнул, перекрывая пальбу, лейтенант и вскочил на бровку окопа, размахивая автоматом над головой.

Не помня себя, не в силах сдержать переполнявшего возбуждения, Ваню бежал с винтовкой наперевес, всем телом подавшись вперед, и кричал громко, во все горло, ругался длинно и замысловато.

– Ура! – перекатывалось над пограничьем. Сверкали штыки.

Немцы замедлили шаг... остановились... И вдруг, круто повернув, побежали. Страшное видение оцетинившихся штыков стояло у них перед глазами, и немцы набирали скорость, потому что штыки следовали за ними по пятам. Легко перепрыгивая с кочки на кочку, Ваню гнался за долговязым солдатом. Вобрав голову в плечи, прижав локти к бокам, тот припустился к реке. Лопатки судорожно сходились и расходились под его пестрозеленой одежкой. Маленький, верткий Ваню настигал немца, уже слышал его тяжкое дыхание. Он сделал выпад, но плоский штык скользнул по боку и только вспорол балахон. Немец исходил захлебывающимся истошным криком, но все бежал, спотыкаясь, вытянув перед собой руки, как слепой.

– Куда бьешь! – подскочил вдруг и зло выругался знакомец из соседнего взвода. – Вот, учись!..

Он плавно перенес всю тяжесть своего тела на острие штыка и вогнал его с размаху под левую лопатку немцу.

«Пособил, спасибо, мне русский», – думал Ваню, глядя, как извивается в корчах и потом разом затих один из этих немцев, которые оказались на проверку не такими уж грозными, как в те первые минуты.

Врага отбросили за реку, и в течение тех двух первых дней войны, когда отбили шесть атак, а немца на берег не пустили, все больше утверждался Ваню в своей уверенности.

– Так оно и есть, – говорил он себе: – не страшен немец в открытом бою, тут всегда умелый и храбрый осилит немца. Но все-таки борьба будет долгая, упорная.

Два дня разграничили жизнь Ваню. Ушел в прошлое двадцатилетний паренек, водитель электровоза, музыкант, мечтатель. Рос воин, обстрелянный и ожесточенный.

III. Сисхли

Командир полка прильнул к окулярам стереотрубы. Если бы можно было наблюдать за выражением его лица, стало бы ясно, что командир недоволен. И в самом деле: вот, как на ладони, передний край обороны врага – ряды проволоки, зигзаги траншей, а поодаль, – исхлестанный осколками кустарник, опушка леса. Острым клинком нашей обороны вгрызается здесь в немецкое расположение. Этот выступ, известный всем и каждому под названием «бутылки», – один из беспокойнейших участков фронта. Обнаглев, немцы слоняются по переднему краю во весь рост ни чуточки не таясь и, видно, чувствуют себя тут привольно. Это и было причиной недовольства командира полка. Участок он принял только на днях, и твердо решил, чтобы не немцы, а наши бойцы держали тут огневое превосходство.

Внезапно командир присвистнул, хлопнул по коленкам и еще плотнее приник к окулярам. С радостью он видел начало того, о чем так озабоченно думал все эти дни: немец, который расставлял мины в предполье, вдруг вяло взмахнул руками и ткнулся ничком в землю. Другой кинулся было ему на выручку, но не добежал, схватился за живот, ноги у него подкосились, и он нехотя опустился на пожухлую траву. Тогда остальные саперы бросились врассыпную.

– Узнать, кто стрелял, – приказал командир. – Вызвать ко мне.

Через полчаса невысокий черноволосый паренек с ястребиным взглядом темных глаз лихо вытянулся перед ним.

– Старший сержант Гзиришвили прибыл по вашему вызову! – гортанной скороговоркой доложил вошедший.

На второй год боев Ваню превратился в статного вояку. Он повзрослел с того дня, как не сумел заколоть штыком немца. Раненый шрапнельной пулей в той жаркой драке, он попал из госпиталя уже под Бахмач и Конотоп. Был минометчиком, приводил «языков» из-под Харькова, куда судьба после нового ранения не кинула его под Красный Бор.

– Ну, заходи, заходи. – Обычно непроницаемый и колючий взгляд командира под взъерошенными бровями потеплел, в нем выдалась неожиданная мягкая голубизна. – Что ж, – спрашивал он будто себя самого, – ради праздничка Христова хоть по рюмочке простова? Так, что ли?

Командир пришел в великолепное расположение духа. Он налил Ваню стопку, усадил его пить чай и угостил ореховым вареньем, до которого Ваню был великий охотник.

– Как же получилось, что ты немца стал бить так ловко? – спросил командир полка.

– Это моя сисхли, – с достоинством ответил Ваню. – А что это значит, – я вам сейчас объясню.

Вот его рассказ.

– Случилось это давно, – начал Ваню, – когда меня еще и на свете не было, а отец мой имел от роду всего-на-всего восемнадцать лет. У отца был брат, звали его так же, как и меня: Ваню Гзиришвили. Это был смелый и гордый человек, с непреклонным сердцем и душой орла. Ваню не мирился с произволом царских властей, притеснителей «инородцев». С девятью смельчаками под стать себе он ушел в горы и объявил войну князьям, жандармам и старостам.

Ваню стал другом и заступником бедняков и грозой их врагов-угнетателей. Он возглавил дерзкие набеги и вершил свой правый суд, а имущество распределял среди нуждающихся. За голову Ваню объявляли награды, а Ваню и его друзья оставались неуловимыми.

Но однажды Ваню подстерегли в его сакле, куда он пришел навестить престарелую мать. Ваню долго отстреливался из своего старинного кремневого ружья, убил нескольких жандармов и сам получил шесть ран.

Когда вышли все заряды, а жандармы уже ломились в саклю, он распахнул дверь и прыгнул в овраг. Он скрылся бы от погони, если бы не его раны.

Вано схватили, привязали к столбу и приговорили к страшной казни – его закидали камнями.

Отец подоспел с пастбища, когда большая груда уже похоронила под собой истерзанное тело его брата.

– Сисхли! – воскликнул он, шатаясь от гнева и отчаяния. То была нерушимая клятва кровной мести. «Кровь за кровь! Смерть за смерть!» – вот что такое сисхли.

Отец сдержал свою клятву. С молодым своим другом – крестьянином Андреем он зарезал убийц брата – князя, старосту и шакала доносчика.

Поглаживая ладошкой волосы-бобрик, командир слушал возбужденную речь Вано. Что ни слово – все больше нравился ему этот смуглый, горячий паренек. Он угадывал в нем черты предка – твердое сердце и сильную волю.

– Есть что-то общее, – продолжал между тем Вано, – в этой старинной истории и моей погоне за немцами... Может быть, – добавил он, погодя, тихо и задумчиво, – это общее в том, что мы, Гзиришвили, умеем ненавидеть врага. Мой старик, Владимир Гзиришвили, который водит тяжелые поезда по дороге Тбилиси–Батуми, передал мне это свойство вместе с именем своего брата.

Назавтра Вано прощался с товарищами. Командир посылал его на курсы снайперов.

Он вернулся со снайперкой в холщевом чехле и значком на груди. Облюбовал Вано немецкие патрули. Ранит одного на открытом месте, а как сбегутся другие на крики – тут и пойдет дело.

Скоро в маленькой книжке истребителя у Вано значилось под жирной чертой внушительная цифра «двадцать два».

А так как подобные же книжечки завели многие товарищи Вано, немцы забыли те времена, когда можно было безнаказанно высунуться на передний край «бутылки». Пули советских снайперов не знали промаха. Немцы чувствовали себя обреченными. Карающая месть нависла над их головами.

IV. Белой ночью

Свеча оплывала в консервной жестянке, багряный огонек мутно мерцал посреди слоистого табачного облака. Попыхивая трубкой, командир брезгливо перебирал эти злополучные немецкие документы, то и дело склонялся к карте, что-то сверяя и помечая на ней. На Ваню он больше не обращал внимания.

Переминаясь с ноги на ногу в дверях штабной землянки, Ваню нерешительно кашлянул. Колючий, уничтожающий взгляд из-под включенных бровей был ответом. Ваню понял, что разговор окончен. Он повернулся на каблуках и, придерживая автомат, откинул полог у выхода.

Белая ночь плыла над линией фронта, прохладная, тихая ночь, напоенная дыханием луговых трав, ромашки, колокольцев, мяты, еще чего-то, невыразимо приятного, пьянящего. Нарядно голубела березовая роща, как-то не вязалось, не верилось сейчас, что тоненькие стволы все в осколочных ссадинах, с перебитыми ветвями, безвременно увядшие, с облетевшей листвой. Ни выстрела не доносилось с передовой. Летняя ночь, с ее невнятными шорохами и вздохами, безраздельно властвовала над прифронтовым.

Хорошо брести полевой тропкой в такую пору, подставлять разгоряченное лицо озораватой возне ветерка. Тихонько мурлыча какой-то навязчивый мотив, Ваню шел неспеша. Он старательно гнал от себя набегавшие горькие мысли, память этой, еще не ушедшей ночи. Незадачливо обернулась она для них, разведчиков.

Как часто взлеты, удачи сменяются у нас режущим, обидным разочарованием! Крута дорога солдата, много на ней подъемов и поворотов, и долог путь. У Ваню была пытливая душа искателя, в погоне за «настоящим делом» он сменил много разных специальностей на войне, он добивался успехов и не прекращал поисков. Если б он вздумал оглянуться в прошлое, он увидел бы, как с чередованием стоящих дел и срывов несчастных, но поучительных, крепили в нем душевные силы, накапливалось самое большое человеческое богатство – бесценный жизненный опыт. Но такие размышления

были не в его натуре. Просто он хотел стать дельным разведчиком. Ведь он сам вызвался!

– Главное, не падать духом! – твердил он себе, набавляя шаг. – Нынче мы пришли без «языка». Ну, что ж, теперь я знаю, что завтра мы его возьмем. Только не падать духом!

Все-таки впечатления последних двух-трех часов следовали за ним неотвязно, как колючий, сверлящий прищур командира при рапорте, как эта дрянная, никчемная мелодийка, которую он вот уже битых полчаса бормочет себе под нос.

Их разведгруппа только что организовалась. То был их первый ночной поиск. Казалось, все загодя угадано, прикинуто, высмотрено. И все шло как по-писаному.

Осокой, болотным вереском девять разведчиков одолели предполье и очутились на лесной опушке, опоясанной рукавами траншей. Ванюшка Банов долго возился с ножницами, подрезая проволоку. Доронин разминировал проход. Он вернулся злой и усталый, отирая пот со лба. Подождали, пока они отдохнут, и все тишком проползли под рогаткой.

Вано быстро огляделся, сориентировался. Все обстояло так, как он это и представлял. Вот в густых тенях минометный ровик, вот темнеет подбитый танк, там ход к взводной землянке.

У землянки кто-то чиркнул спичкой, вспышка на миг выхватила из полумрака лица двух прикуривавших патрульных. Ветер донес их приглушенный хохоток.

Вано вздрогнул. «Смеются? Канальи!» Сердце его часто забилось, когда он вскинул над головой автомат прикладом кверху – сигнал нападения. Цели были розданы еще на исходном рубеже, и теперь каждый сделал бросок к своей: Доронин – к миномету, Банов – к танку, где ночами сидели пулеметчики. Остальных Вано повел к землянке.

Он срезал автоматной очередью обоих патрульных и настезь распахнул дверь. Офицер и пятеро солдат оторопело вскочили с его появлением и разом будто окаменели.

Друзья теснились за плечами Ваню, порывались накинуться на немцев, а Ваню медлил. Ваню пожирал их сверкающими гневными глазами, этих ублюдков, этих бестий, который оторвали его от семьи и дома, от музыки и работы, которые столько горя принесли с собой в советскую сторону. Ваню не знает, как рука его выдернула чеку, как сделала короткий взмах, как противотанковая граната лопнула в гуще немцев. Он увидел клок спящего молочного пламени, потонувший в клубах едкого дыма.

Ваню закрыл лицо руками, но было уже поздно. В ту же минуту он услышал, как Банов и Доронин подорвали миномет и пулемет, уверенные, что «язык» взят.

Они вернулись с трофейным оружием и документами, имевшими свою цену, но главного, «языка», не было с ними. И все – по его вине, его одного, и ничьей больше.

– Выдержка... Терпение... Настойчивость... – вспомнились ему суровые, требовательные слова командира, и снова колкий, чуть насмешливый, всепроникающий мудрый взгляд задел его за самое сердце.

А медаль «За отвагу», что дал ему час назад, жестоко поругивая, командир, – ведь она в зачет будущих дел. Так и сказал командир: «Надеюсь, Гзиришвили, надеюсь...».

Всплыл в памяти кругленький и верткий капельмейстер «Моцарт» и навеки незабываемые слова:

«Разум и сердце, единые в достижении цели, не знают преград и уступов».

Узкая полоска алела на востоке. С каждой минутой светлело в поле. И вдруг вырвались, брызнули яркие солнечные лучи и растопили белую июньскую ночь.

Ваню сбежал по ступенькам в свою землянку.

– «Язык» будет, ребята! – крикнул он с порога. – Обязательно будет!

V. Тропа разведчика

И еще ночь пришла – студеной январской ночью 1944 года, одна из первых ночей великого наступления ленинградцев.

Поверх голого, расщепленного сосняка раскатисто перекликались хриплые голоса орудий. Тонко пропела залетная слепая пуля, задела ветку, поперхнулась дробным разрывом. Кружась и теряя снежинки, ветка ткнулась в сугроб. Крохотный осколок тенькнул, ударясь в выбеленную каску Ваню.

Ваню остановился на миг, пропуская разведчиков, привычным взглядом окинул розовые на холоде лица друзей.

– Подходим, ребята.

Сержанты Громов и Королев, рядовой Русецкий молча кивнули, и все четверо зашагали хрусткой снежной целиной, минуя воронки и вмерзшие в снег тела. То в бледных кровоподтеках и бурых спекшихся сгустках, то в черных пороховых подпалинах снег этого будто от боли стонущего леса еще хранил следы вчерашнего бегства врага. Злой балтийский ветер, набегая с нашей, советской стороны, подхватывал жженные клочки, расшвыривал их по сторонам, заметал понемногу порошей.

Свежий, ясный след неожиданно пересек путь разведчикам. Кто-то шел тут очень недавно, может быть, только что.

Ваню бесшумно кинулся по следу. Он пробежал стороной, неподалеку от этой свежепроторенной тропки, с десятков метров, и вдруг след оборвался так же внезапно, как появился. «Где-то здесь засада», – подсказывало ему близкую встречу с врагом безошибочное чутье разведчика. «Но где?». Он всматривался вокруг, укрывшись за разлапистой елью, но ничего не видел.

Луна спряталась за облаком, потом выплыла снова, струя потоки голубоватого сияния. Только сейчас Ваню заметил, что на соседних двух деревьях снег осыпался, тогда как остальные стоят в тяжелых белых уборах. Но этого было достаточно.

– Слезай! – крикнул Ваню и дал очередь поверх темнеющей хвои.

Тускло сверкнул в воздухе шмайссер, за ним грузно свалился его бывлой владелец, вытянул руки над головой, залопотал:

– Русс, я больше не воюю!

Радостно улыбаясь, Ваню встретил глазами с ребятами.

– Чистая работа!

Автоматная трескотня согнала улыбки с лиц. Из-за куста выбежал еще один немец, послал очередь и пустился наутек.

– Громов, держи этого! – крикнул Ваню на бегу. – Королев, Русецкий – за мной!

Проваливаясь в снегу, они мчались вдогонку. Немца надо взять живьем – это дело чести разведчика. Ваню дал очередь, целясь над головой немца. Тот запетлял, заметался, а Русецкий уже несся ему наперерез.

– Хенде хох!

Немец с силой швырнул автомат в сугроб и поднял руки, озираясь по сторонам.

– Пошли, – сказал Ваню.

...Все дальше на запад катилась лавина нашего наступления. В десятках переходов остался Ленинград, давно сделавшийся родным и близким. Ваню и возглавляемая им группа разведчиков продолжала прогуливаться по ближним немецким тылам.

В тот день разведка шныряла по болоту, далеко впереди боевых порядков нашей части. Миновали кустарник, приблизились к рощице и вдруг услышали хруст сучьев.

– Ложись! – взмахнул рукой Ваню.

Они успели незамеченными залечь на бугре, когда батальон немцев походной колонной вышел из рощи, очевидно, готовя фланговый удар по нашей части. Только двадцать пять метров отделяли немцев от разведчиков, когда забился, застрекотал в руках Ваню его автомат.

Десять наших воинов, с Ваню во главе, обрушили огонь с трех сторон. Прошла минута, другая, и они раскрошили батальон, не дав немцам даже развернуться в боевой порядок. На долю Ваню пришлось тогда 16 убитых немцев.

...Шли месяцы наступательных боев, рос перечень побед Ваню.

В июльские боях на Карельском перешейке Ваню лицом к лицу столкнулся с шестью финнами.

Увидев наставленный на них автомат разведчика, двое поспешно подняли руки. Четверо остальных вздумали спастись вплавь. Но пули Ваню не знают промаха.

Пленных он отвел на командный пункт.

На счету полного кавалера ордена Славы старшины Ваню Владимировича Гзиришвили в этот день стало десять добытых им «языков».

Возвращение

НАКОНЕЦ, они вышли к берегу. И вдруг сдавленный крик вырвался у обоих. Лодки нигде не было видно. Ни лодки, ни камышей, где вечером они высадились. А вода все прибывала.

Волны в белых барашках, набегая, с грохотом рушились о скалы и обдавали разведчиков колкими, холодными брызгами. Чайки с пронзительными воплями металась над пучиной, вызывая в людях настроение смутной, щемящей тревоги. А ветер крепчал. Злой балтийский ветер гнал с юга свинцовые тучи, и вот они уже заволокли полнеба. Шторм грозил разбушеваться не на шутку.

Разведчики не смотрели друг на друга. Они не хотели, чтобы взгляды их, встретясь выдали то, чего никогда не вымолвят уста.

Они неплохие пловцы. Но лодка была их пристанищем и их базой. С ней погибли запасные диски и гранаты, потеряны и съестные припасы.

Песков поднял голову, увидел в двух километрах темную полоску суши. Своя земля. Близка. Можно, пожалуй, доплыть, дотянуться. Можно, но не сейчас.

Он первым нарушил молчание:

– Что-ж, товарищ командир. Я полагаю, обойдемся и без припасов. Уж как-нибудь.

Глаза Коваленко посветлели. Не зря уверен он в своих молодцах!

– Да, Ваня, – сказал гвардии лейтенант, – мы будем продолжать нашу разведку.

Он чуть улыбнулся и добавил:

– Ведь это не самое страшное в жизни... Сперва выполним приказ. После подумаем, как добратся.

Разведчики еще раз взглянули на темнеющий в дали родной берег. Миг, и они исчезли в лесных зарослях.

УЖЕ ТРЕТЬИ СУТКИ бродили смельчаки в тылу врага, питаясь брусникой и недозревшей еще рябиной. Днем они таились в придорожных кустах и канавах, наблюдая за передвижением войск и обозов, ночью пробирались с места на место, засекая батареи, наносили на карту местонахождение лагерей и кухонь.

Рассвет третьего дня застиг их на полпути. От бессонницы и голода кружилась голова, подкашивались ноги, невыносимо тяжелыми казались автоматы. А разведчики шли и шли на север. Теперь, когда задание было выполнено, берег манил их неотступно.

Как можно быстрее они должны доставить данные. А там – отдых, сон. Но как раз в эти минуты об отдыхе думалось как-то вяло, издалека, будто дело касалось не их, а других, уставших гораздо больше.

Они брели молча, но мысли у них были одни. Оба очень понимали друг друга, лейтенант и боец.

Августовское солнце стояло в зените, когда приглушенные голоса внезапно послышались в отдалении. Разведчики выпрямились, переглянулись исподлобья и, как прежде, молчаливые, нырнули в придорожные кусты. Голоса, гортанные и чужие, то приближались, то удалялись. Наконец, они послышались где-то совсем рядом. Коваленко раздвинул ветки перед собой и увидел добрую дюжину солдат в мышинных курточках. Они шли по следу прямо на разведчиков.

Другого выхода не было, и лейтенант приказал:

– Стреляй, Иван!

Почти в упор Песков дал две короткие очереди. Кто-то застонал, кто-то упал. Остальные бросились бежать.

– Эх, планида моя! – тихонько ругался хмурый Песков. Он порывался ударить вдогонку бегущим, но патроны могли еще понадобиться. Они стали теперь дорожке хлеба и табаку.

Разведчики поднялись и, спотыкаясь, побежали дальше, к северу. Ветер толкал в спину, галька скрипела и прыгала под ногами, кусты цеплялись за маскировочные халаты. В лесу, обгорелом, исхлестанном нашими бомбами, у здоровяка Пескова наконец перехватило дыхание. Он стоял, бледный, прислонясь к ноздреватому валуну, и широкие плечи его судорожно вздымались и опускались. Стало ясно, что далеко не уйти.

– Ну и пускай, – решил помрачневший Коваленко – вряд ли станут искать нас на этом голом пожарище.

Русый намокший чуб лейтенанта свесился над глазами. Лейтенант оглянулся и шагнул к ноздреватому валуну, поросшему серой лишайной плесенью.

Но их расчеты не оправдались на этот раз.

– Ала-ла-ла! – послышалось неподалеку, и вскоре показалась цепочка гитлеровцев. Они шли напрямки в горелый бор, с винтовками наперевес, и подбадривали себя улюлюканьем и неистовым гиком.

«Видно, не улыбается им встреча с русскими», – подумал Коваленко.

Прижавшись к камню, затаив дыхание, лежали они, стиснув в руках противотанковые гранаты, готовые к последнему бою. Голова кружилась сильнее, чем прежде, во рту пересохло, воспаленные глаза застилала соленая влага. Томительно текли секунды. Вот уже видны вытянутые лица солдат, их водянистые глаза, от напряжения округлившиеся, как черные отверстия винтовочных стволов, наставленных, кажется, точно на валун. Мелькают подошвы солдатских сапог, подбитые железными шипами. Там, куда они ступили, курятся летучие облачки пепла.

Какой-то из солдат прошел в двух метрах от валуна, где притаились разведчики. Не дыша, они прислушивались, как удаляются шаги. Потом каждый услышал биенье собственного сердца – оно бешено колотилось в груди.

Да как же это получилось? Они еще не верили очевидному. Выручили их маскхалаты? Или то была бес-

печность врагов, которые не допускали мысли, что русские вздумают скрываться тут, среди горелых пней и валунов, когда вокруг так много зелени? Как знать? Но, что бы там ни было, они спасены. Спасены! Какое слово! Его не произносить – петть хочется.

Лейтенант и Песков, так счастливо пережитившие врага, смеясь, повернулись в обнимку к морю, мерно рокотавшему вдали.

Что же тогда самое страшное в жизни?

ПОГОНЯ ПРОШЛА, но опасности еще не миновали. То яснее, то глуше слышалось в лесу улюлюканье гитлеровцев и возбужденное тявканье собак. Лишь к ночи унялся переполох.

Разведчики тронулись в путь. Это была трудная дорога. По кустам шагали патрули, на просеках стояли посты с ищейками. Смелчаки то и знай останавливались, подолгу прислушивались к пороху леса. Они стороной обходили часовых, ползком пробирались через поляны и просеки. К утру, оборванные, исцарапанные, выбившиеся из последних сил, разведчики ступили на песчаный берег.

Широкий пролив бурлил у их ног, враждебный и непроницаемый. За ним – боевые друзья, родная часть, чистый воздух отчизны. Последним усилием – к ним!

Они плыли, качаясь на волнах, в самоделковых поясах из тростника и маскхалатах. Свой берег был виден им; он понемногу вырастал впереди, после каждого нового взмаха руки, и это придавало бодрости. Но еще далек, очень далек он, заветный и желанный.

Чем ближе к фарватеру, тем выше вздымались волны с пенным гребешками, тем сильнее швыряли и хлестали они незащищенные тела пловцов. А солоноватая, терпкая вода наполнила рот, струилась в глаза и уши; оба наглотались ее уже вдосталь, до тошноты.

Они утонули бы, если б на полдороге им не повстречалась голая скала, торчком стоявшая над водой. У них хватило сил доплыть до нее. Обессиленные, разведчики выбрались на камни и долго лежали без движения, дрожа от холода. А волны перекатывались через них, и соленая морская вода разъедала их израненные тела.

Время словно остановилось. Казалось, никогда не кончится этот день. Так и сказал Песков. Почерневший, неузнаваемо осунувшийся, он добавил, слабо шевеля потрескавшимися губами, что проживет еще лишь несколько часов, и лейтенант знал, что он говорит правду.

– Так неужели пришло оно, самое страшное? – с горечью думал офицер. – Неужели погибать от холода и голода здесь, на виду у своих, с недоставленной картой?

Нет, он знал: самого страшного – той безвольной растерянности, когда опускаются руки и повисает голова, когда безразличная покорность судьбе сковывает мысли и члены, не было у разведчиков. Не было и не будет. Драться за жизнь до последнего патрона в обойме, до последнего усилия мышц, до последнего трепета сердца – святая святых разведчика.

И Коваленко решил.

– Погибну или выручу тебя, Ванюша, – сказал он, поцеловал Пескова и бросился в воду.

У самого берега силы окончательно покинули лейтенанта. Тонущего его заметили и подобрала бойцы. Через полчаса сняли с камней Пескова.

– Задание выполнено! – докладывал, вытянувшись, лейтенант своему начальнику. И вручил драгоценную карту, десятки раз едва не стоившую жизни смельчакам, которые не знают преград.

Ночью

Нет. Не унять бессонной дрожи
И сжатых пальцев ломкий хруп.
Я заблудился в бездорожьях
Сжигающих и влажных губ.

Когда тоскливыми ночами
Ловлю обрывки прежних снов, –
Взыскующими палачами
Встают передо мною вновь

Испуг и нежность первой ночи
И вдохновенный шепот твой...
Какой кудесник мне пророчит,
Что мы не встретимся с тобой.

3 июля 1945

Лейтенант

За письмами и за приветами
Живет, грустя и ожидая,
Шинелью серую одетая,
Веселая и молодая.

Живет, полна своим, несказанным,
А губы стиснуты от боли.
То ль узел, на сердце завязанный,
Горит, и давит, и неволит.

Глаза скрывают сны нездешние
И грудь – похмелье пробуждений.
Но пальцы, робкие и нежные,
Хранят огонь прикосновенья.

Нет! Наше завтра не расстроится.
Пусть первые объятья грубы.
Пусть неподатливо раскроются
Давно тоскующие губы.

16 июня 1945

Весна

К нам на землю упала стрепетом
Она. И вот звенят капли.
И птичьим щебетом и трепетом
Ручьи у бункера запели.

У заболоченной обочины
Противотанкового рва,
Меж надолб, ржавчиной источенных,
Вскипает сочная трава.

Шинель походной скаткой скатана.
Выходит запеваала звонкий.
Путем-дорожкой за солдатами
Ручьи звенят, бегут вдогонку.

Взлетает песня заливчатская
Над пажитью и перелесками
Про нашу силушку солдатскую,
Про нашу удадь молодецкую,

Про те пути, что нами пройдены,
И те, которые предстали нам,
Про голубую нашу родину,
Про нашего родного Сталина.

Сверкая песнями и красками,
Как озаренье, ясна,
К нам, светом утренним обласкана,
Спешит победа и весна

5 мая 1945